

ЛЕВ ЛУРЬЕ

ОКНО
в
ИСТОРИЮ

Без Москвы

bhv®

Окно в историю

Лев Лурье
Без Москвы

«БХВ-Петербург»

2014

Лурье Л. Я.

Без Москвы / Л. Я. Лурье — «БХВ-Петербург», 2014 — (Окно в историю)

Петербург и Москва – два российских мегаполиса, бывшая и нынешняя столицы, соревнование между которыми не прекращается никогда. Книга посвящена описанию петербургской «самости», того, что делает жителей города непохожими ни на москвичей, ни на провинциалов. Действия книги охватывают век между 1912-м и 2012-м годами: между городом Александра Блока, Павла Милюкова и Тамары Карсавиной и местом, где живут Василий Кичеджи, Роман Широков и Сергей Шнуров. От акмеистов до хипстеров: обычаи, персонажи, трагедии и комедии города «славы и беды».

Содержание

Почему без Москвы?	6
Глава 1	7
Крона и корни петербургского снобизма	8
Десять отличий третьего города	14
Пролетарская рыбка	21
Рюмочные: уходящая натура	25
Глава 2	29
1912-й: Перелом жизни	35
Площадь Восстания. Стихия	40
Династы в феврале	46
Виктор Шкловский – террорист и филолог	53
Николай Гумилев против большевиков	59
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Лев Лурье Без Москвы

Памяти Евгения Мороза (1950–2011)

© Лурье Л. Я., 2014

© Оформление, издательство «БХВ-Петербург», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Почему без Москвы?

После марта 1918 года, когда большевики перевели столицу из Петрограда в Москву, городу пришлось заново находить свою «самость». В пределах СССР, а потом России Ленинград должен был отстроиться от первопрестольной. Превратившись, как некогда Москва, в «порфиноносную вдову», город обрел новую физиономию и репутацию.

В английском языке есть такое слово «overeducated», что означает – обладающий ненужными и даже обременительными знаниями: конструктор на должности фрезеровщика. Для провинциального города в Петербурге слишком много библиотек, музеев и университетов. Но мало рабочих мест для интеллигенции – ни правительства, ни Думы, ни издательств, ни журналов. Использовать свой интеллектуальный ресурс с марта 1918 года, когда столица переехала в Москву, петербуржцам стало трудно. Поэтому Петербург в России – примерно то же, что Англия в англосаксонском мире – место бедное, стильное, нездоровое, с традициями, иногда бессмысленными.

С 1920-х годов здесь всегда было множество чудаков, знатоков ненужных дисциплин, любителей неизвестных поэтов и знаменитостей для узкого круга.

Обэриуты с их абсурдистскими и не рассчитанными на публикацию текстами; краеведы 1920-х, изучившие каждый квадратный сантиметр бывших императорских дворцов; изобретшие «Космическую академию» сверстники и приятели будущего академика Лихачева – все они представляли, говоря нынешним языком, «контркультурные молодежные движения». С тех пор эта традиция никогда не прерывалась.

Местом сосредоточения таких молодых людей оставался Невский проспект и его окрестности. Здесь встречались мрачные поэты и художники-экспрессионисты начала 1950-х из группы Арефьева, а в 1956 году прошла демонстрация против искусства социалистического реализма, приуроченная к открытию выставки Пикассо. Здесь торговали записями Дюка Эллингтона, нанесенными на рентгеновские пленки; у витрин Елисеевского магазина кучковались короли Приморской трассы – фарцовщики, атаковавшие финские автобусы на мотоциклах «Ява». В «Кулинарии» на Малой Садовой пили «маленький двойной» поэты (Алексей Хвостенко, Сергей Стратановский, Евгений Вензель), позже перекочевавшие в «Сайгон», на угол Владимирского и Невского. Чуть более денежные сверстники Бродского, включая самого будущего лауреата Нобелевской премии, – Сергей Довлатов, Валерий Попов, Андрей Битов, Евгений Рейн, Анатолий Найман, Глеб Горбовский – предпочитали ресторан «Крыша» в гостинице «Европейская», где по вечерам играл джаз и всегда находился кто-нибудь, кто платил по счету. У подножия памятника Екатерине Великой исторически встречались геи. Из курилки Публичной библиотеки в Александро-Невскую лавру отправлялись знатоки религиозной философии. У Литейного обменивались книгами и информацией подпольные букинисты, антиквары, ценители иконописи, специалисты по поддельному Фаберже. В вестибюле кафе «Север» играли в шмен центровые, кормившиеся от Гостиного Двора. Общероссийским центром встреч хиппи-системщиков был садик на Стремянной, около кафе «Эльф». Гребенщиковское поколение «дворников и сторожей» кочевало от магазина пластинок в доме католической церкви до рок-клуба на улице Рубинштейна. Ближе к Лиговке – подпольные катраны, где лохов разводили по-крупному, курили планчик и нюхали марафет.

Большинство этих людей рано умерли, спились, сошли с ума, просто сгинули, но они-то и создали Ленинграду репутацию слегка безумного, неврастеничного города непризнанных гениев. Кое-кто и вправду был гением.

В этой книге мы надеемся взглянуть на Петербург как некую отдельную общность, почти цивилизацию.

Глава 1

Самость

Вычленение петербургской манеры, стиля, характера поневоле должно ограничиваться некими импрессионистскими зарисовками. В отношении национальных особенностей такие попытки описания всегда оборачиваются либо расизмом, либо идеализацией и разительно неточны. Грузины милы и гостеприимны – скажет любитель пламенной Колхиды, но тут же осечется, подумав о Берии и Сталине. Евреи – маменькины сыночки, книгочеи, идеалисты. Бывает. Но что вы скажете о чудовищных следователях НКВД или о свирепых израильских коммандос? Подобные примеры легко множатся. И тем не менее что-то феноменальное в петербуржцах чувствуется. Попробуем вычленить лежащее на поверхности.

Крона и корни петербургского снобизма

Крона

При самом поверхностном взгляде на Петербург обнаруживаем настороженную угрюмость жителей. Сравните московский, не будем говорить уже о киевском, вагон метро с питерским. У них ровный гул голосов, люди не стесняются друг друга, реплика, брошенная в воздух, тут же подхватывается, молодежь балагурит, старушки обсуждают цены и болезни. У нас – настороженное молчание, взгляд избегает взгляда, случайное прикосновение – удар электрического тока. Громкий разговор встречает всеобщее молчаливое осуждение.

Москвичи легко переходят на «ты», при встречах целуются, приветливы к приезжим. В Петербурге поцелуи считаются признаком дурного вкуса, рукопожатия заменяются простым кивком, о человеке, живущем в Питере не один год, а то и десятилетие, говорят: «Эта NN, знаете, из Дубоссар». На «ты» обращаются разве что к одноклассникам, да и то с каким-то внутренним неудобством.

И приязнь, и неприязнь выражаются одинаково: чуть большее внимание к собеседнику, чуть сдержаннее полупоклон. Быть знаменитым – некрасиво, успех ассоциируется с пошлостью, конформизмом, недалекостью. Включенность в «большой» мир – успеха, денег, гастролей, больших тиражей, «Останкино» – с точки зрения петербургского сноба не комильфо. Логика строится на следующем простом силлогизме: Хармса не печатали; «Избранное» Бродского не могло выйти в «Советском писателе»; «Зону» Довлатова трудно было вообразить на страницах «Авроры», – так что же может представлять собой какой-нибудь Евграф Мелитопольский, опубликованный в «супере» тиражом 30 тысяч? Должно быть, пошляк и прохождец.

Норма – телесный изъян или болезнь (но обсуждать немощи, а тем более жаловаться на них – неприлично), честная бедность, совершенное знание чего-либо житейски бесполезного. В нашем климате отсутствие гайморита, ну или уж простого вазомоторного ринита просто подозрительно. Достоевский писал: «Это город полусумасшедших. Если бы у нас были науки, то медики, юристы и философы могли бы сделать над Петербургом драгоценнейшие исследования, каждый по своей специальности. Редко где найдется столько мрачных, резких и странных влияний на душу человека, как в Петербурге. Чего стоят одни климатические влияния!» Действительно, число странных, сирых, убогих на улицах Петербурга, особенно где-нибудь у Владимирской церкви или в районе Сенной, превосходит всякое вероятие.

Может быть от того, что петербуржец живет в городе, где здания похожи на декорации пьесы столетней давности, он чувствует себя скорее персонажем литературного произведения, нежели человеком, живущим здесь и сейчас. Довлатов о Бродском: «Он не боролся с режимом. Он его не замечал. И даже нетвердо знал о его существовании. Его неосведомленность в области советской жизни казалась притворной. Например, он был уверен, что Дзержинский – жив. И что “Коминтерн” – название музыкального ансамбля. Он не узнавал членов Политбюро ЦК. Когда на фасаде его дома укрепили шестиметровый портрет Мжаванадзе, Бродский сказал: “Кто это? Похож на Уильяма Блэйка...”». Множество тем в петербургских салонах табуировано для обсуждения: Путин, Навальный, Виктук, Михалков, эстрада, телевидение, личная жизнь знаменитостей. Почтенным считается нефункциональное знание: древнекоптский язык, обстоятельства биографии писателя Константина Вагинова, история Красненького кладбища.

Всяческая «игра в бисер» приобретает в Петербурге необычайно серьезный характер. Местные образцовые издания последних лет – исторические альманахи «Минувшее» и «Лица», энциклопедические справочники «Храмы Петербурга», «Исторические кладбища

Петербурга», «Архитекторы-строители Петербурга» – являют собой образцы долгого, затворнического труда, не подразумевающего громкого внешнего успеха. Они наследники еще более герметичных самиздатских машинописных журналов 1970–1980-х годов. Толстые тома «Часов», «Метродора», «Обводного канала», «Северной почты», «Митинского журнала», «Сигмы», «Памяти», выходившие тиражом то 6, то 12 экземпляров каждый, напоминали по несуетной тщательности выполнения рукописные своды средневековых монахов. Поэты каждые несколько лет «издавали» свои сборники, перепечатанные поклонниками и переплетенные приятелями, и раздавали немногочисленным почитателям. Рок-музыканты первыми в России начали распространять свои домодельные «альбомы», разрисовывая от руки обложки кассет.

Настоящий петербуржец летом гуляет на Островах, его можно встретить на солнечной стороне Невского, в Эрмитаже, в верховой аллее Летнего сада (до леденящей душу последней «реновации»). У него есть излюбленные кварталы – Коломна, юг Петербургской стороны, Ямские, округа Инженерного замка, – где можно побродить с приятелем, поговорить о кинизме или председателе Третьей Думы Хомякове. Чтобы распить бутылочку с давним знакомцем, он готов совершить длительное путешествие, но место должно быть специальное: спуски к воде у Никольского собора, бастион Петропавловки, двор с брандмауэром на Графском переулке. Ему физически невыносимы улицы Партизана Германа или Белы Куна, уж лучше Обводный канал, Нейшлотский переулок, Малая Охта.

Вообще любовь к городу имеет всеобщий и обязательный характер. Полагается знать не только Росси и Стасова, но и Сюзора, Месмахера, Кричинского. Настоящий знаток укажет вам дореволюционное местоположение всех булочных Филиппова, особенно живописные проходные дворы с Невского на Малую Итальянскую (ныне – улица Жуковского), парадные с сохранившимися витражами на Каменноостровском, перечислит главные постройки епархиального архитектора Никонова и проводит к лестничному пролету, в который бросился Всеволод Гаршин.

Петербургская настороженность к любому утвердительному высказыванию выражается и в электоральном поведении. Москва любит мужчин, лучащихся энергией, обаятельных дядек – Ельцина, Попова, Лужкова, Шойгу. Политики ныряют в проруби, отфыркиваются, бодро принимают рюмаху. Там больше голосов получают партии известные. Питер предпочитает злоречивых, голосует не «за», а «против». Так в свое время проголосовали за следователя Иванова (против Лигачева), потом за Яковлева (против Собчака), за кого угодно, кроме «Единой России».

В петербуржце всегда жива идея правил поведения, не подлежащих нарушению. Даже говорим мы как пишем: «конечно», «булочная». Всякая безвкусица вызывает мощный, часто неадекватный отпор. Вот Пушкин встречает молодого, явно талантливого московского критика Николая Надеждина: «Он показался мне весьма простонародным, vulgar, и безо всякого приличия. Например, он поднял платок мною уроненный».

Ахматовой не нравятся «Записки старого петербуржца» Льва Успенского. Ну, нравится, не нравится. Но как зло она его отчитывает: «Как странно, что уже через 40 лет можно выдумывать такой вздор. Что же будет через 100? Глазам не веришь, когда читаешь, что на петербургских лестницах всегда пахло жареным кофе. Ни в одном respectable петербургском доме на лестнице не пахло ничем, кроме духов приходящих дам и сигар проходящих господ. Товарищ, вероятно, имел в виду так называемый “черный ход”... но все же черные лестницы пахли в основном кошками».

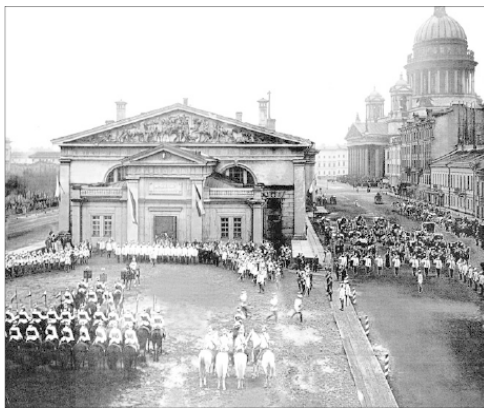
Ученики Ахматовой общались с малознакомыми людьми часто просто бессмысленно дерзко. Бродский впервые представленный Ахматовой Лидии Корнеевне Чуковской: «Ваш отец, Лидия Корнеевна, ваш отец написал в одной из своих статей, что Бальмонт плохо перевел Шелли. На этом основании ваш почтеннейший рече даже обозвал Бальмонта – Шельмонтом. Остроумие, доложу я вам, довольно плоское. Переводы Бальмонта из Шелли подтверждают,

что Бальмонт – поэт, а вот переводы Чуковского из Уитмена – доказывают, что Чуковский лишен переводческого дара».

«У меня нет мировоззрения, у меня есть нервы», – словами Акутагавы мог бы сказать о себе настоящий язвительно-вежливый петербуржец. Как заключает Анатолий Найман, человек, воплощающий петербургский снобизм, его поколению было свойственно «сохранение независимости во что бы то ни стало до какой-то даже оголтелости... Прямая шея, прямые плечи, юнкерский взгляд, устремленный в навсегда далекую цель».

Довлатов писал: «Ленинград обладает мучительным комплексом духовного центра, несколько ущемленного в своих административных правах. Сочетание неполноценности и превосходства делает его весьма язвительным господином». Гонор присущ нам, как присущ он в Европе полякам, и по той же причине: мы чувствуем нашу относительную бедность и подчиненность столице. Непонятное высокомерие петербуржцев вызывает оправданное раздражение москвичей. Но без снобизма, отвращения к амикошонству, болезненного чувства собственного достоинства мы не были бы сами собой.

Корни

Парад лейб-гвардии Конного полка возле Манежа в день полкового праздника. 1903 год.
Фото Карла Буллы

Откуда все это взялось? Петербург императорского периода – гвардия, бюрократия, двор, канцелярии, аудитории, редакции. Наверху, как писал Лев Толстой, «собственно свет – свет балов, обедов, блестящих туалетов, свет, державшийся одной рукой за двор, чтобы не спуститься до полусвета, который члены этого круга думали, что презирали, но с которым вкусы у него были не только сходные, но одни и те же». Сливки петербургского «большого света» – гвардия. Жизнь гвардейского офицера подчинена множеству неписаных правил. Можно сказать, что сословное общество вообще, а гвардия в особенности жили не по законам, а по понятиям, сводящимся в итоге к системе запретов. Гвардеец не может тратить мало, жить в Песках, носить мундир и фуражку не от портного Фокина, допивать в ресторане бутылку шампанского до конца, торговаться, терпеть оскорбление, жениться на купчихе, плохо говорить по-французски.

Светскому человеку противостоит разночинец – студент, литератор, чиновник. Как немислимо во времена Стасова и Крамского было любить Росси и Кваренги, так и отношение к «свету» у интеллигенции сменяется с восторженно-заискивающего на презрительно-равнодушное. Петербургский разночинец ненавидит гвардейца, он для него, «мыслящего пролетария», не человек, скорее племенной конь. Скажем у Достоевского, писателя вообще антидворянского («помещик» для него почти ругательство), гвардеец всегда фигура сомнительная – «светская, развратная, тупая тварь», на страницах «Дневника писателя» эпизодический

«кавалерийский офицер из одного известного кавалерийского полка держит себя в каком-то надменном уединении и молчит свысока».

Но и сам столичный разночинец, как правило, лишенный корней в Петербурге, мучительно борющийся за существование и признание, постепенно приучается жить в мире правил и неформулируемых формальностей. Нельзя читать определенные («рептильные») газеты и печататься в них, подавать руку господам с сомнительной политической репутацией, следует любить Салтыкова, Чернышевского, Некрасова, признавать талант в Толстом (но предпочитать ему Тургенева) и ругать Достоевского за обскурантизм. Нарушение либеральных приличий чревато изоляцией, отказом в литературном заработке, разносными рецензиями, уходом жены или изменой невесты. Отсюда, кстати, страшная раздражительность к любому нарушению приличий у самых разных петербургских писателей – Достоевского, Салтыкова, Михайловского, Лескова.

Студенты Императорского Санкт-Петербургского университета с профессором Н. А. Меншуткиным в Большой химической аудитории. 1900 год

Петербургских Карениных и Вронских с одной стороны и петербургских Раскольниковых и Ипполитов с другой, и объединяло и разъединяло отсутствие в Петербурге московского всеобщего братства, того роевого начала, которое всегда отличало первопрестольную. Столице был чужд московский непрекращающийся банкет, всеобщие гуляния в Сокольниках, братания Аксаковых с Солдатенковым и Кокоревым, Рябушинского и Андрея Белого, старообрядцев и никониан, князей и актеров. Острое ощущение принадлежности к своему кружку и социальному слою делали всеобщим только формальный язык этикета. Москва и провинция на знаменитый вопрос героя Островского: «Так вот, друзья любезные, как хотите: судить ли мне вас по законам, или по душе, как мне Бог на сердце положит?» – несомненно выбрали бы суд по душе. Петербург не знал этой всепримиряющей душевности и предпочитал закон.

Горожанин живет в среде, где ему поневоле приходится тесно соприкасаться с людьми отличного от него социального происхождения, имущественного положения, культурного уровня, привычек. Более того, вся городская жизнь построена на социально-культурных контрастах. В больших городах, подобных Петербургу, отдельные районы, улицы или даже этажи одного и того же доходного дома отличались социальным статусом, национальным и конфессиональным происхождением своих жильцов.

В этих условиях особенно важен ясно выраженный язык поведения, как сигнал радара, отличающий свой самолет от чужого. Он предопределяет норму поведения собеседника, встречного, делового партнера. Строгие правила, отсутствие амикошонства, нежелание поддерживать разговор на «чужом» языке позволяют сохранить чувство собственного достоинства в любой ситуации. То, что кажется формой привыкшему к большей социальной гомогенности москвичу или одесситу, в Петербурге является нормой существования.

Статья Александра Бенуа «Живописный Петербург» вышла в 1902 году, когда уже близки были Цусима, 9 января. В статье впервые со времен Пушкина утверждалось: Петербург прекрасен. Город становится объектом восхищения в преддверии своего краха как центра петровской государственности, воплощает меркнувшее величие этой государственности. Мирикуснический и акмеистический культ города – предчувствие и ознаменование конца России Пушкина. Эта тоска по времени ампира и дуэлей касалась, конечно, и архитектуры и всего городского уклада.

Принадлежность к этой традиции в начале века осознавали не те, кто по праву крови наследовал ее создателям, не люди все менее блестящего «большого света» (они как раз любили теоретически русский стиль и московские святыни). Первое поколение петербуржцев *per se* – дети разночинцев, служилых дворян, инородцев и иноверцев – Бенуа, Добужинский, Блок, Ахматова, Мандельштам. Они это придумали, создали идеологему. Договорили же все до конца как всегда талантливые адепты.

«О, эти гигантские просторы площадей, где можно делать смотр целым армиям. Тяжелые глыбы дворцов. Каменные всадники на памятниках – императоры и полководцы. Тусклое золото куполов Исаакия над мраморными громадами колонн, разве вся эта пышная красота не говорит о величии власти? “Город казарм”, – скажет язвительный враг. Да, казарм. Город гвардии и преторианцев. Но разве власть когда-нибудь опиралась на что-нибудь иное, как на штыки солдат?» – писал близкий к акмеистам прозаик Сергей Ауслендер.

Съезд писателей. Петербург. 1910 год. Фото Карла Буллы

«Петербург воплотил мечты Палладио у полярного круга, замостил болота гранитом, разбросал греческие портики на тысячи верст среди северных берез и елей. К самоедам и чукчам донес отблеск греческого гения, прокаленного в кузнице русского духа», – так в статье «Три столицы» говорил о петербургском ампире философ Георгий Федоров.

Любовь к классическому Петербургу привела к реабилитации гвардейско-светской манеры поведения. «С важностью глупой, насупившись в митре бобровой, я не стоял под египетским портиком банка, и над лимонной Невой под хруст сторублевой мне никогда, никогда не плясала цыганка», – писал Мандельштам. Но это не мешало его «ребяческому империализму» – неожиданному и опасному желанию пить в советском Ленинграде за «военные астры» (гвардейские эполеты). Уход Гумилева добровольцем на войну, а потом участие в белом заговоре, сознательно культивируемый аристократизм Ахматовой, неожиданный для эпикурейца Кузьмина почти некрасовский пафос «Форели» – следствие этого нового культа Петербурга.

До 1917 года в спор о двух столицах вносился некий историософский смысл, связанный с ролью петровского культурного переворота в российской истории. Между 1918 и 1991 годами ущемленные жители невских берегов вкладывали в свои антимосковские инвективы скрытый протест против советской власти и вообще не слишком симпатичной, да еще и лишившей их город столичного статуса. Собственно в это время и возник ленинградский регионализм, имев-

ший в своем основании пассаистский миф. Ленинградский регионализм зародился в 1920-е из тоски по старому миропорядку и утраченному столичному статусу, когда от старого Петербурга остались только архитектурные ансамбли, кировский балет, Эрмитаж, пирожные «Норда» и Анна Ахматова. Важность, ирония и этикет обороняли от новой реальности и помогали «держат тон».

Региональная идея – своеобразный смягченный вариант идеи национальной. На место борьбы с иноземным захватчиком-угнетателем выдвигается противопоставление региональных интересов государственным, воплощенным в столице. Малороссийский миф создал, в конце концов, независимую Украину. Казацкий – вдохновлял Шкуро и Краснова в Гражданскую и до сих пор заставляет взрослых мужиков носить на праздники штаны с незаслуженными лампасами.

Пик интереса к краеведению, архитектуре модерна, акмеистам и мирискусникам был в Ленинграде 1970–1980-х годов конечно неслучаен, как и культ Шевченко на Украине или национальной певческой традиции в Эстонии в то же время. Борьба за сохранение «Англетера», выведшая в 1987 году на Исаакиевскую площадь тысячи людей, скандал вокруг дамы, история «Ленинградской свободной экономической зоны», исход референдума о переименовании города, возникновение автономизма, выборы в Ленсовет в 1990-м – все это подпитывалось регионалистской идеей.

Манера поведения, в отсутствие самостоятельного петербургского языка и других признаков этноса, играет в городской субкультуре важнейшую роль. Всякая «самость» холится и лелеется.

Ну а так как в Петербурге рефлексия всегда преобладала над деятельностью, а возможности самореализации в официальной культуре и бизнесе уступали Москве, манеры и вкусы всегда имели огромное значение. Сдержанная ирония, эрудиция, несколько манерная вежливость и неожиданная взбрычливость, наша гвардейско-разночинская кичливость всегда будут радовать или раздражать провинциалов и москвичей. В мире нет людей бесслезней, надменнее и проще нас. Нашему городу свойственна скромность формы. Мы любим рациональных, немногословных, нордически-сдержанных Косыгина, Яковлева, Кудрина, Путина, Полтавченко – почти сливающихся с нашим неброским пейзажем. Если Собчак любил шум, треск, величие замыслов, танец с Лайзой Миннелли, свадьбу Пугачевой, прогулку с Тернером и на самом деле, конечно, лучше бы исполнял обязанности правящего бургомистра веселой Вены; а Валентина Матвиенко тянулась к фонтанам, цветам и яркой одежде фирмы «Прада», то постный, почти вегетарианский Яковлев всегда лучше смотрелся на строительной планерке, чем на приеме в честь Королевы Британской. Поэтому-то его выбирали и переизбирали.

Однако и это могло быть для нашего города хорошим делом: что Москве – смерть, то для Питера, как известно, – здорово.

Десять отличий третьего города

Петербург – особый «предумышленный», как сказал Достоевский, город. Он не похож ни на один другой в мире по вполне объективным историческим и географическим причинам. Вот вам для ровного счета 10 отличий Петербурга от любого, сравнимого по величине.

1. Четырежды переименованный

Это город, название которого за 100 лет менялось четырежды: Санкт Петербург – до 1914, Петроград – между 1914 и 1924, Ленинград – до 1991, и снова – Петербург по нынешний день. Каждое имя города вызывало сомнения. Первоначальное «Санкт Петербург» – латинско-голландское словообразование с неясным смыслом. В честь апостола Петра? Тогда почему не Святопетровск? В честь царственного основателя? Но его никто не собирался канонизировать, почему же тогда «Санкт»?

Конъюнктурное «Петроград», появившееся из-за войны с Германией, не прижилось и стало странным исключением из топонимических правил. В сущности почести лишили не императора, а его патримониального святого, к тому же другие звучащие по-немецки названия на карте России остались (Шлиссельбург, Екатеринбург, Ораниенбаум).

То же и «Ленинград»: в январе 1924 года почувствовавший себя наследником большевистского престола красный проконсул северной столицы Григорий Зиновьев поспешил немедленно после смерти Ленина закрепить этот бренд за своим городом: по его мысли Ленинград должен был стать, ни больше ни меньше, столицей коммунистического мира по окончании ожидаемой мировой пролетарской революции. Не случилось ни революции, ни переноса столицы; сам Зиновьев через год был низвергнут из Смольного.

Наконец, последнее переименование, хотя и было одобрено горожанами на референдуме, не прижилось в языке. Горожане последние десятилетия называли свою родину «Питером», как бы официально город не именовался.

2. Самый северный мегаполис

Петербург – самый северный из крупных городов и самый крупный из северных. Шестидесятая параллель, на которой стоит Петербург, проходит через Магадан, Чукотку, Аляску и Гренландию, столицу Норвегии Осло. Севернее Петербурга из более-менее крупных городов расположены Рейкьявик, Мурманск, Петрозаводск, Архангельск, Воркута, Норильск, Якутск, Анкоридж, Хельсинки. Впрочем, хотя погода в городе ужасна, особых холодов не бывает: чувствуется смягчающее присутствие Балтики. В Якутии на той же широте средняя температура января –40 °С, в устье Невы –7,7°. Колебания средней за месяц температуры в Петербурге очень велики, поэтому в особо холодные зимы мы как бы попадаем в климатические условия Новой Земли (так было в блокадном январе 1942 года и в страшные зимы 2010 и 2011 годов), а в теплые зимы смещаемся к берегам Азовского моря или в область теплого морского климата западной Балтики (январь 1925 года). В Петербурге в течение всего года обычно пасмурно. Дней без солнца в холодный период 75–85 %, а в теплый 50–60 %. Ясная погода осенью и зимой в Петербурге – явление редкое, за месяц бывает обычно только один-два ясных дня. Туманы в Петербурге наблюдаются в среднем 32 раза в течение года. Зато Петербург присвоил себе Белые ночи как собственную уникальную особенность, туристический аттракцион (во многом благодаря одноименной повести Федора Достоевского).

3. Город-феникс

В 1727 году Петр II, сын несчастного царевича Алексея, решил вернуть столицу и двор обратно в Москву, порвав с наследием своего отцеубийцы-деда. За четыре года Петербург превратился в город-призрак: недостроенные каналы зарастали ряской, брошенные дома разрушались, горожане разбегались. Но вступила на престол Анна Иоанновна, вернула Петербургу столичный статус и довела до завершения постройки своего царственного дяди.

За последние 100 лет дважды – в блокаду и в Гражданскую войну – над Петербургом как бы взрывалась нейтронная бомба: население вымирало, здания оставались практически нетронутыми. К 1917 году в Петрограде жило 2,5 миллиона человек, после страшного голода 1918–1920 годов в опустевшем городе осталось 600 тысяч. Кто-то погиб на фронтах Гражданской, кто-то – от пуль чекистов на полигоне под Ржевкой или в Петропавловской крепости. Многие умерли от холода и голода. Эмигрировала большая часть чиновной, военной и интеллектуальной элиты. Рабочие, прислуга, приказчики, потерявшие работу, вернулись на свою малую родину – в деревню. И опять город напоминал призрак, и был, как вспоминают современники, необычайно красив и величественен: без людей он выглядит намного лучше. Но начался НЭП и население снова стало расти с необычайной скоростью. А оставшиеся в городе «славы и беды» Анна Ахматова, Михаил Кузьмин, Иван Павлов и проявившие себя в 1920-е Павел Филонов, Казимир Малевич, Михаил Зощенко, Дмитрий Шостакович, Даниил Хармс сумели сохранить авангардный культурный мегаполис мирового значения.

Перед началом блокады Ленинград насчитывал 3,4 миллиона жителей, в 1943 году – 600 тысяч. На этот раз, главной причиной исчезновения людей стала смерть. Число умерших значительно превысило число сумевших выбраться из блокадного города по «Дороге жизни». По крайней мере, миллион человек умерло от голода. Зафиксированы тысячи случаев людоедства. Линия фронта шла по жилым районам, по летним резиденциям российских императоров. Ни один город Европы не испытывал в годы Второй мировой таких трагических опустошений.

Только к концу 1960-х численность населения в городе достигла довоенного уровня. Но главное, оставались Ахматова, Зощенко, Акимов, появились Довлатов, Барышников, Нуриев, Бродский. Иосиф Бродский писал: «В этом городе примерно каждые двадцать-тридцать лет происходит какой-то творческий всплеск. Он должен повториться – хотя бы потому, что петербургский пейзаж не изменился. Поскольку Петербург – это город у моря. И, как следствие этого, в сознании человека, там живущего, начинает возникать – быть может, фантазмагорическое, но чрезвычайно сильное – представление о свободе».

Как саламандра, сбрасывая хвост, снова обретает его, Петербург каждый раз после опустошения восстанавливал численность населения, дух и характер.

4. Юный

Петербург – самый молодой большой европейский город. Даже местность, на которой находится город, возникла сравнительно недавно. К тому времени, когда Нева прорвала Карельский перешеек и потекла из Ладоги в Балтику, Конфуций уже создал свои основные сочинения, прошел свой земной путь Будда, были написаны Одиссея и Илиада, а Египет завоевали персы.

5. Заливаемый

Дельта Невы стала русской еще в IX веке, при Рюрике. Но ни варяги, ни новгородцы, ни московские воеводы (с 1478 года Нева стала частью Московской Руси) и не думали строить на этих топких островах город. И шведы, аннексировавшие невское устье в 1617 году, построили свой городок – Ниеншанц выше по течению реки, там сейчас окраины Петербурга. Гиблое место: возводить здесь что-нибудь капитальное может только безумец.

Почти каждую осень мощный циклон, пройдя через Скандинавию, гонит воду Балтики в Ботнический залив. Длинная волна, дойдя до горловины залива, утыкается в Аландские острова и при сильном западном ветре поворачивает на Петербург. По мере приближения к городу набегающий вал становится все выше, образуя настоящее цунами.

Рыбаки, жившие в устье Невы еще в шведские времена, предупреждали Петра и его царедворцев: каждые пять лет эти места заливают потоп. Здесь и строили не избы, а рыбацкие хижины. При подъеме воды их разбирали, бревна связывали в плоты, привязывали к деревьям. Сами же спасались на Дудоровой горе, что в десятках верстах к югу от реки.

Через три года после основания Петербурга царь лично лицезрел наводнение, и оно его только развеселило. Из письма Меншикову: «У меня в хоромах было сверх полу 21 дюйм; а по городу и на другой стороне по улице свободно ездили в лодках. (Петр писал это в своем знаменитом “домике”, городом он называл нынешнюю Петроградскую сторону, другой стороной – теперешний центр города. – Л. Л.) И зело было утешно смотреть, что люди по кровлям и деревьям, будто во время потопа сидели, не только мужики, но и бабы». Столицу решено было строить на местности, готовой в любой момент оказаться под многометровым слоем воды.

10 вечера 6 ноября 1824 года – на башне Адмиралтейства вывешены сигнальные фонари, предупреждавшие о подъеме воды в реке. 7 утра 7 ноября – пушки Петропавловской крепости стреляют каждые четверть часа: уровень воды повысился на 180 сантиметров по отношению к ординару. Температура воздуха +7. 10 утра – по Дворцовой и Английской набережным флаги гуляющие. От залива идут волны. Вода бьет фонтаном из подвалов. 11 часов утра – вода неожиданно начала резко подниматься. 12 дня – Нева хлынула на набережные и затопила весь город, кроме Литейной и Рождественской частей. Река не поднималась так высоко никогда прежде – уровень воды был в этот день на 412 сантиметров выше ординара.

Площади превратились в озера, улицы – в реки. По ним носились корабли и баржи, сорванные с якорей. Они ударялись всей своей массой в стены домов, разрушая их. Люди карабкались на крыши, барахтались в воде, цепляясь за доски, могильные кресты, обломки зданий. В подвалах Императорской Публичной библиотеки плавали сомы. Одно семейство оказалось на дне огромного пустого металлического котла. Лошади и коровы почти все погибли в стойлах и каретных сараях, и вода носила их раздувшиеся трупы.

Большая Подъяческая улица во время наводнения 25 ноября 1903 года

В три часа дня вода неожиданно и быстро стала спадать. Утром ударил мороз, многие спасшиеся от наводнения стали жертвой холода. Всего погибло 569 человек, 462 дома было уничтожено. Стихия напомнила о себе потомкам Петра.

В 1833 году Пушкин напишет «Медный всадник». «Кумир на бронзовом коне», «чьей волей роковой над морем город основался», и построенный им Петербург – главные герои поэмы. Рок, тяготеющий над Петербургом, отныне в русской культуре будет символически связан с памятником Петру на Сенатской площади. Государственная воля Петра и судьба маленького человека Евгения. Природа и цивилизация. Россия, поднятая на дыбы. «То о трупы, трупы, трупы спотыкаются копыта» всадника у Блока. «В темных лаврах гигант на скале, – завтра станет ребячьей забавой. Уж на что он был грозен и смел, да скакун его бешенный выдал. Царь змеи раздавить не сумел, и прижатая стала наш идол», – писал Анненский.

Наводнение в Ленинграде 1924 года. Театральная площадь

С тех пор Нева еще сотни раз выходила из берегов. Но город подрос, появилась Дамба, и его не так просто залить.

Те подъемы, которые в позапрошлом веке приводили к катастрофе, ныне способны разве что промочить ноги гуляющим по набережной. Но ощущение искусственности и рискованности города от этого не уменьшилось.

6. Опасный

Питер – город опасный, особенно для начальства. Здесь был убит наследник престола – царевич Алексей Петрович, три императора – Петр III, Павел I и Александр II, взорван эсерами министр внутренних дел Плеве, застрелены террористами еще один министр внутренних дел Сипягин и министр народного просвещения Боголепов, взлетела на воздух дача премьер-министра Столыпина, убиты генерал-губернатор Милорадович и градоначальник Фон Лауниц, а градоначальник Трепов тяжело ранен Верой Засулич. Умер в сибирской ссылке первый генерал-губернатор Александр Меншиков, 20 лет провел в Сибири генерал-губернатор Бурхард Миних, 13 лет – генерал-полицмейстер Антон Девиер. С момента основания в городе произошло 5 дворцовых переворотов и 5 революций (считая Кронштадтское восстание и восстание декабристов). Большевики в 1918 казнили в Петропавловской крепости троих великих князей. Из руководителей коммунистической организации города расстреляно девять и один – Киров убит. Советскую городскую элиту уничтожали под корень трижды: в 1926-м после падения Григория Зиновьева, в 1934-м после убийства Кирова и в 1949-м во время «Ленинградского дела». Первый мэр Петербурга – Собчак вынужден был полтора года скрываться в Париже и загадочно умер вскоре после возвращения на родину. В самом центре города, на

Невском проспекте, в 1997 году застрелили вице-губернатора Маневича. В Питере всегда был силен дух оппозиции. В 1989 году ленинградцы прокатили на выборах всю местную номенклатуру, в 1996-м скинули Собчака, а в 2011-м фактически «ушли» Валентину Матвиенко и все ее окружение.

Взрыв на даче премьер-министра П. А. Столыпина 12 (25) августа 1906 года. Фото Карла Буллы

Остатки экипажа после взрыва на даче П. А. Столыпина. Фото Карла Буллы

7. Третий

Петербург – самый большой нестоличный город Европы. С начала XIX века Петербург оставался третьим по населению городом Европы (он то догонял, то превосходил Берлин, Париж, Вену, Неаполь, Москву и всегда уступал Парижу и Лондону). Третий он и теперь: Москва – 9,3, Лондон – 7,6, Петербург – 5 миллионов человек. От бывшего столичного статуса – императорские и великокняжеские дворцы, Эрмитаж, Мариинский театр, обилие казарм, триумфальных арок, правительственных зданий.

8. Музей архитектуры

Нет места в мире, где было бы столько сохранившейся архитектуры неоклассики, эклектики, модерна, ретроспективизма. Молодой Петербург – в этом смысле самый большой старый город Европы. В войну его бомбили, но гораздо меньше, чем Лондон, Сталинград, Берлин или Роттердам. С другой стороны, Ленинград в годы советской власти считался городом провинциальным, и на шедевры социалистического зодчества денег местной власти не хватало. Не было даже достаточно динамита для сноса церквей. Жилищное строительство велось на окра-

инах. В результате в Петербурге почти полностью сохранились жилые каменные дома предреволюционного города – примерно пятнадцать тысяч зданий. От Обводного канала до Большой Невки и от Александро-Невской лавры до торгового порта город остался почти таким, каким он был в 1917 году. Поэтому сколько бы времени вы не провели в Петербурге, если вы зеваете, если вам нравится живая жизнь и разнообразие городского ландшафта, то Петербург идеальное место, чтобы напитать взор и потешить воображение.

9. Больше чем Венеция

Петербург – чемпион Европы по количеству мостов, вице-чемпион по количеству каналов и островов. В Петербурге 48 рек и каналов, 160 километров набережных, 800 мостов (в Венеции больше каналов – 157 и островов – 118, но меньше мостов – 378). Сейчас, когда количество прогулочных катеров, моторных лодок, теплоходов растет экспоненциально каждое лето, не воспользоваться возможностью осмотреть город с воды – преступление.

10. Мифы

Петербург – город, смысл и назначение которого менялись от поколения к поколению.

От Петра до Николая I Петербург в общественном сознании воплощал идеи величия Российской империи – прогресса, порядка, закона, разрыва со старомосковской «дикостью», от Прокоповича до Батюшкова и знаменитого вступления к «Медному всаднику» российская столица воспринималась как город, построенный с чистого листа, олицетворение будущности России. Петр оптимистически попирает змею и оправданно поднимал Россию на дыбы.

Со времен «Медного всадника» и вплоть до начала XX века отношение к императорской России и к ее державному основателю резко меняется. Петр и Евгений, государство и «маленький человек». Петербург – воплощение строя, основанного на произволе над человеческой личностью. Классический Петербург воспринимается отныне как бездушное скопище «языческих храмов в чухонских болотах», казарм и дворцов – нечто глубоко формальное, неоригинальное, второсортное. Это ощущение города пропагандируется «властителями дум» от Гоголя и Лермонтова до Достоевского и Салтыкова-Щедрина. Оно продолжается в XX веке у Блока и у Анненского («потопить ли нас шведы забыли»). В творчестве архитекторов, начиная с Тона, чувствуется желание как можно дальше уйти от традиций классицизма и ампира, они как бы стесняются петербургского «золотого века».

Пассеизм круга «Мира искусства» насытил 1900–1910-е годы мазохистическим предчувствием прихода «грядущего хама» и гибели русской государственности. Серебряный век помнит, что был еще и золотой – от Петра Великого до автора «Медного всадника».

В советское время изучение классического Петербурга становится на некоторое время одной из немногих легально возможных в Ленинграде форм ностальгии по старому Петербургу. Летний сад, Царское село, Мойка, 12, становятся понятиями-символами. Книги местных краеведов и историков архитектуры, поэзия от Ахматовой до Бродского несут послание об имперском, столичном прошлом. С другой стороны, официальная позднесталинская Россия черпает в классицистическом Петербурге некую модель для заимствования этикета, архитектурных форм, геополитических идей.

С 1950-х годов интерес к классическому Петербургу вытесняется двумя другими мифами: о Петербурге Серебряного века и о Петербурге Достоевского. Своеобразную красоту брандмауэров и дворов-колодцев первым почувствовал Добужинский. Переоценке города середины XIX века способствовали «Петербург Достоевского» Анциферова и «Северная элегия» Анны Ахматовой. С конца 1950-х годов интерес к творчеству Достоевского приобретает все более широкий характер («Идиот» со Смоктуновским в БДТ; сенсационный успех иллю-

страций Ильи Глазунова). К тому же при всей незамысловатости рядовой «штукатурной» архитектуры эклектики она выглядела человеческой и разнообразной на фоне архитектуры хрущевско-брежневской. Петербург Достоевского предстает как бы Петербургом *par excellence*.

Восхищение «новой Америкой», редкое для русской культуры удовлетворение настоящим, было свойственно и первому ядру петербургских пассаистов – мирискусникам и акмеистам. Но настоящий миф о 1913 годе был создан в постреволюционное время реальными и внутренними эмигрантами. «Блистательный Санкт-Петербург» становится своеобразным градом Китежем, воплощением потерянной России. Именно полузапретная информация о предреволюционной столице – ее рынках, журналах, архитекторах, храмах, обычаях становится онтологической основой позднепетербургского мифа 1920–1990-х годов. Своего апогея любовь к акмеизму, модерну, неоклассике достигает в 1970–1980 годы.

У большевиков цельного мифа о Ленинграде не было. Ранняя версия (до середины 1920-х) исходила из идеи Петрограда как четвертого Рима, города, в котором началась мировая революция. Ленин становился в ряд с Константином и Петром. Москва в будущем должна была оставаться столицей РСФСР, Петроград-Ленинград – столицей всемирного СССР, местоположением Коминтерна, председатель которого Григорий Зиновьев именно здесь имел свою ставку.

В послевоенное время появляется «блокадный миф», дополняющий кировско-ждановский (Киров после гибели становится местночтимым коммунистическим святым, потеснив Урицкого, Володарского и прочих Крунштернов, Восковых, Толмачевых, Скороходовых). И Киров и в особенности блокада становятся частью и народного ленинградского мифа. «Город славы и беды» словами Ахматовой. Возможно репрессии 1947–1949 годов против выходцев из Смольного, с одной стороны, и писателей, с другой, связаны с потенциальными опасностями, которые ощущало в этом мифе высшее руководство страны.

В последние десятилетие Ленинград воспринимается городом Бродского, Довлатова, «Сайгона», Гребенщикова, Науменко, Цоя, «Митьков», хипповской «системы», Масяни, группы «Ленинград» – столицей неофициальной России.

Все петербургские мифы имеют свойства порождать актуальную культуру, в том числе и архитектуру. Петербург еще преподнесет немало сюрпризов.

Пролетарская рыбка

Исторически петербургский стол отличался от московского разве что большей ориентацией на импорт и европейские (прежде всего немецкие) вкусы. У нас употребляли кофе, Москва считалась чаевницей. Виссарион Белинский писал: «Петербургский простой народ несколько разнится от московского: кроме полугара (водки. – Л. Л.) и чая он любит еще и кофе, и сигары, которыми даже лакомятся подгородные мужики; а прекрасный пол петербургского простонародья, в лице кухарок и разного рода служанок, чай и водку отнюдь не считает необходимостью, а без кофею решительно не может жить».

Стопку водки все социальные классы закусывали бутербродом с ломтиком шотландской или голландской сельди. Селедка и соленая треска с картошкой сначала завоевали петербургское простонародье, а уже потом стала пищей пролетарских кварталов других промышленных городов.

Весной, с открытием навигации, люди светские объедались привезенными из Франции устрицами. Москва ориентировалась больше на свежую рыбу с Волги, Питер – на Неву и Балтику. В ресторанное и великосветское меню входили балтийский лосось и ладожский сом, жареные и маринованные миноги, консервированные рижские шпроты, ревельские кильки. Сейчас многие особенности петербургской кухни исчезли, нивелировались. Осталась корюшка.

У каждого американского штата помимо флага, герба и гимна имеются официальное прозвище, девиз, тотемные дерево, цветок, животное. Скажем, штат Нью-Йорк – имперский штат, девиз – «всегда вперед!», цветок – роза, дерево – сахарный клен, животное – синяя птица (есть у них такая), официальная песня – «Я люблю Нью-Йорк».

В субъекте федерации Санкт-Петербург есть герб и флаг, позаимствованные у дореволюционной Петербургской губернии, полуофициальный «Гимн великому городу». Ни цветка (одуванчик? настурция? кактус «Царица ночи» из Ботанического сада?) ни дерева (липа? тополь? дуб Петра Великого?). С девизом тоже непонятно (варианты – «Питер бока повытер», «Город над вольной Невой», «Зенит – чемпион!»). Но вот на роль питерского символа в животном мире претендент один – *Osmerus eperlanus* – корюшка обыкновенная.

Впрочем, как и Белые ночи, которые празднуют только в Петербурге (а могли бы – в Мурманске, Осло, Рейкьявике), корюшка – бренд присвоенный. Водится она и на Дальнем Востоке, и на Онеге, и в Белом море. Но сверхценность приобрела именно в Питере.

Мы любим наш тотем, каждую весну его ловим и едим. Вдумываясь в историческую символику небольшой рыбки из семейства лососевых приходишь к выводу: это божье создание символизирует не исторический Петербург, скорее – Ленинград. Довольно пролетарская рыбка.

Только наивный провинциальный городничий из «Ревизора» представляет себе столицу как город, где он, будучи большим начальником, станет есть эту рыбу: «Да, там, говорят, есть две рыбицы: ряпушка и корюшка, такие, что только слюнка потечет, когда начнешь есть». Не знали эту рыбицу ни в свете, ни в гвардии. Севрюга, стерлядь, в крайнем случае, налим или карп – вот рыбная перемена за столом аристократа.

Корюшку, ряпушку и миногу ловили на невском взморье рыбаки-отходники, приходившие в Петербург из Осташковского уезда Тверской губернии, с озера Селигер. В Петербурге их кликали «осташи». Как правило, осташи делили занятие рыбацким промыслом между Селигером и Невой: лето проводили в родных местах, а с конца октября до начала весны (а иногда и вплоть до июня) промышляли в Петербурге или Кронштадте. Зимой рыбу ловили из подо льда на Финском заливе.

Когда река вскрывалась, осташи работали на тонях. Рыбацкая тonya представляет собой избушку, воздвигнутую на отмели: во избежание наводнения она высоко подымается на столбах над поверхностью воды. Рыба ловится «мотнею» сажень 300 длины и 3–4 ширины, смотря по глубине моря. Закинутая мотня опускается в море стеною от поверхности воды вплоть до дна. Мотню с обеих сторон тянут на берег при помощи ворота, который приводится в движение поденщиками. Когда закинут невод, поденщики медленно вертят ворот, ходя по кругу «в ногу» и понуриив головы. За раз вытягивали по 50 пудов рыбы (800 килограмм). Всего же за путину невские рыбаки добывали примерно 200 тысяч пудов корюшки.

Корюшкой и ряпушкой торговали с лотков разносчики, покупавшие ее рано утром у оптовиков на рыбной бирже, что существовала на Фонтанке у Семеновского моста. Десяток рыбок продавался с лотка за 3–8 копеек. Цена смехотворная, любой жалкий поденщик зарабатывал в столице за день минимум полтинник.

Торговец рыбой. 1860-е годы

Ближайший родственник корюшки – снеток ловился на Псковском и Чудском озере и на Ильмене. Снетков сушили, грузили в корзины и доставляли на санях в Петербург. Особый спрос на снетков был в Великий пост. Вообще же эта микроскопическая рыбка заменяла петербургскому простонародью семечки, которых столица не знала до февраля 1917 года, когда призванные из Малороссии и с Кубани солдаты Петроградского гарнизона усеяли лузгой тротуары Невского проспекта.

Корюшка и снеток – рыбы петербургских окраин. Их не знали французы-повара «Кюба», «Донона», «Бореля», «Констана» и других «гвардейских» ресторанов. Корюшка – для тех, кто ходит не с парадного, а с черного хода: горничных, кухарок, дворовых мужиков. Как вспоминала Ахматова, «на черной лестнице пахло жженым кофе, постным маслом на масле-ницу, корюшкой весной и всегда кошками».

Снеток и корюшка – Пески, Выборгская сторона, трущобы у Сенной площади: там ее вкус знали хорошо.

Золотое время корюшки пришло с военным коммунизмом, когда Петроград натурально вымирал от голода, в отличие от окруженной сельщиной Москвы или провинциальных городов, где свинки и коровки на подворьях не переводились никогда.

Выяснилось – рыбка естественное богатство столицы, ставшей провинцией. Ежегодно возобновляющийся пищевой ресурс. В суровые времена фабрик-кухонь, заводских столовых, карточек и дефицита, эта рыбка вносила в ленинградский стол неожиданное разнообразие, а ее не зависящий от идеологии ежегодный нерест свидетельствовал о том, что не вся природа еще покорена плановыми органами.

Сложность заключалась в том, что до 1940 года граница с Финляндией проходила рядом с Сестрорецком, да и Ладога считалась пограничной зоной. Появление здесь рыбака на ялике, или передвижение по льду категорически запрещалось. На удочку корюшку ловили только в Неве.

В блокаду корюшка не могла спасти горожан. Люди ослабли настолько, что им не хватало сил на подледный лов. А ту, что ловили специальные артели, шла на питание «трудящихся Смольного». Весной 1942 года (в городе в день умирает по 7 тысяч человек) партийный работник Николай Рабковский отдыхает на Карельском перешейке в Мельничном Ручье, рядом с дачей Жданова: «Питание здесь, словно в мирное время: разнообразное, вкусное, высококачественное. Каждый день мясное – баранина, ветчина, кура, гусь, индюшка, колбаса; рыбное – лещ, салака, корюшка, и жареная, и отварная, и заливная».

Только после войны в 1950-е ежегодное появление лотков с корюшкой стало местным календарным праздником (как Седьмое ноября, Белые ночи и отправка детей в пионерские лагеря). Появление корюшки – приход весны.

Корюшка становится фирменной маркой Ленинграда, как в других местах – торт «Киевский», грузинские вина или куйбышевские шоколадные конфеты. Банку маринованной корюшки, наряду с тортом «Невский сувенир» из домашней кухни «Метрополя», «Ленинградским набором» птифуров из кулинарии «Севера», «Беломором» фабрики Урицкого везли с собою из Ленинграда командировочные.

С послевоенного времени, рыболов-любитель с коробом для подводного лова становится важным городским персонажем. Эти люди заполняют электрички на Зеленогорск и Петрокрепость, а в последнее время выезжают на машинах на лед. Рыба – глубоководная, ловится лучше всего на глубине 30–40 метров, далеко от берега. Главные места лова – район бывших фортов Красная Горка и Серая лошадь на южном побережье Финского залива, и от кронштадтской дамбы до Приморска – на северном. Корюшку ловят и на Ладоге, особенно в устьях Волхова и Свири.

Городок Сестрорецк на время нереста вымирает. По словам тамошнего уроженца телеведущего Павла Лобкова, «с 20 апреля школьные классы пустели. Город вонял рыбой. Учителя даже забывали про уроки, потому что все равно никто не ходил. Все заболели, были эпидемии ветрянки, кори, чумы. И всю эту ветрянку можно было видеть на вот этой плотине, которую Петр построил, чтобы удержать озеро Разлив. Но корюшка-то об этом не знала и плыла против течения. Корюшка была еще одной нашей отличительной особенностью от города, потому что презренные петербуржцы даже не знали, что такое «паук», что такое «телевизор» (местные разновидности сачков). Как с этим человеком можно было разговаривать?!...»

«Корюшатники» делятся на утренних и вечерних – рыба ловится лучше всего на рассвете и на закате. Когда с рыбалки возвращаются с пятью килограммами корюшки, считают, повезло.

Охота на корюшку – занятие небезопасное. По льду уходят далеко, иногда километров на пять от берега. Лучший лов – в марте, апреле, когда ледовый покров начинает таять. Знаком весны в Петербурге становятся сообщения о том, как МЧС спасло рыбаков с очередной оторвавшейся льдины. И на этой льдине – сантехники, банкиры, искусствоведы из «Эрмитажа». Здесь становятся друзьями на всю жизнь.

В начале 1990-х мои приятели долго не могли «решить вопрос» по обустройству своего участка на Карельском перешейке. В конце концов, разузнали: помочь им может только вдова недавно убитого известного всему городу бандита. Нашли общие связи, созвонились с помощником вдовы, randevu назначили на 21 километре Приморского шоссе. В назначенном месте их встретили люди крепкого сложения, повели по льду. Шли, и шли, и шли так, что, в конце концов, стало приятелям не по себе. Наконец увидели становище: четыре джипа своими багажниками окружили маленький пяточек. Перед лункой сидела матрона с удочкой, рядом короб – со свежей корюшкой. Бандитская вдова недовольно оторвалась от лунки, ей подали телефон:

вопрос решился в районной администрации, и рыбачка, быстро распрощавшись, стала снова следить за поклевкой.

В подледной ловле есть несколько специфических прелестей, идеально ложащихся на местный петербургский нрав. Здесь громкий разговор встречает всеобщее молчаливое осуждение. Даже главные местные питейные заведения – рюмочные наполнены одиночками, не вступающими в контакт с собутыльниками. Подледный лов – человек на льду, наедине с лункой под хмурым балтийским небом. Пример отчуждения и экзистенциального одиночества.

Петербуржец с риском для жизни рыбачит где-нибудь на Ладоге или в Комарово, зная – любой риск и похмелье будут оправданы в глазах жены и детей сковородой с тесно уложенными спинкой друг к другу рыбешками.

Этот симбиоз рыбы и города – лучшая память о Ленинграде. За 65 лет существования он оставил не так уж много достойных материальных памятников. Но Ленинград был, мы в нем выросли и прожили более ли менее счастливые годы. И каждая весна отмечена в памяти запахом свежего огурца от лотков со свежей рыбой.

Рюмочные: уходящая натура

Рюмочная – чисто советское учреждение. Даже не просто советское, а именно ленинградское. В Тбилиси – хинкальные, в Одессе – бodeги, в Москве – пивные. Хмурые ленинградские мужчины всегда выпивали в рюмочных.

Зима начинается у нас в ноябре, заканчивается в конце апреля. Пронизывающий ветер с залива, слякоть; на тротуарах – смесь грязи, соли и снега. Огромные продуваемые площади, прямые проспекты: от метели не спрятаться. Чтобы уцелеть, надо или толкаться в общественном транспорте, или стоять в пробках у мостов через многочисленные водные протоки – от Большой Невы до Черной речки.

По улице можно двигаться только перебежками – от теплого вестибюля метро до книжной лавки или магазина оловянных солдатиков.

Рюмочная, где можно хлопнуть, заесть горячим и ни с кем из присутствующих не вступать в обременительный контакт, как колодец в пустыне, почтовая станция на тракте.

Цены копеечные, тишина, порядок. Всё молча, с чувством собственного достоинства. Махнул – побежал дальше, к дому, в гости, в филармонию.

Старая Россия рюмочных не знала. Их функции отчасти выполняли трактиры с горячительными напитками, пивные, ренсковые погреба. В Петербурге пропустить наскоро рюмку под пирожок можно было в ресторане «Доминик» и кондитерской Федорова.

В очереди за водкой. Петроград. 1920-е годы

Но всяк сверчок знал свой шесток. Выпивать из горлышка «сороковку» у выхода из ренсковых погребков, отбивая на ходу сургучную пробку, могли крестьяне – сезонники; в пивных сиживали станочники с Выборгской стороны; в «чистой половине» трактиров под графинчик и селянку слушали «музыкальную машину» торговцы Апраксина рынка. «Пролетарии умственного труда» – репортеры, студенты-репетиторы, мелкие чиновники трактирами пренебрегали: пусть плохонький, но ресторан.

Все это многообразие исчезло в 1914 году с введением сухого закона и вновь появилось только в 1925-м, когда уже советским людям разрешили потреблять алкоголь невозбранно и открыто.

Ленинградские питейные заведения эпохи НЭПа выглядели пародией на своих дореволюционных предшественников. Здесь кутили как в последний раз растратчики, мелкие торговцы, налетчики вперемежку с инженерами из «бывших».

Вспоминал Вадим Шефнер: «А рабочий класс сживал в пивных (впрочем, водку там тоже наливали). Пивных самого разного разбора в городе хватало с избытком; в частушке нэповских лет горделиво сообщалось: “Петроград теперь иной, в каждом доме по пивной!”».

Рабочие Обуховского района в трактире. 1920-е годы

Пивные делились на обычные и «культурные». Как пелось в тогдашней назидательной песне:

«Слышен звон серебра из кармана,
Это деньги на пьянство пойдут,
А вдали показалась пивная,
Гражданин, не причаливай тут!
Слышно хлопанье пробок от пива,
От табачного дыма туман,
А в культурной пивной так красиво:
С бубенцами играет баян!»

Сталинские пятилетки, казалось, вообще похоронили идею выпивки и закуски. Создавалась пищевая индустрия, хорошая или плохая – другой вопрос, но общественное питание отрицает избранность.

Правда в 1930 годы Сталин изрек две максимы, оставившие и ресторанам, и разливушкам лазейки: «жить стало лучше, товарищи, жить стало веселее» и «кадры решают всё».

Высшим кастам советского общества полагалось нечто недоступное простым смертным: «Форд» или «Победа», квартира-«сталинка», Сочи и ресторан. Здесь орденосцы, командармы, летчики, академики, народные артисты потребляли блюда из знаменитой микояновской «Книги о вкусной и здоровой пище».

Но рабочий класс, как писал Владимир Маяковский, «жажду заливал не квасом», и в его жизни помимо социалистического соревнования должны были быть какие-то удовольствия. К концу 1930-х стали появляться буфеты, закусочные, заведения «Советское шампанское», павильоны «Пиво. Воды» и, наконец, рюмочные. Цель всего этого многообразия была одна – приучить население выпивать «культурно», под закуску и под начальственным приглядом.

Расцвет жанра пришелся в Ленинграде на послевоенное время.

Как писал великий драматург и автор «Записок нетрезвого человека» Александр Володин:

«Убитые остались там,
А мы, пока еще живые,

Все допиваем фронтовые,
Навек законные сто грамм».

К 100 граммам полагался бутерброд – четыре кильки на куске хлеба, столько же исполнительниц было в модном тогда вокальном квартете: поэтому называлась эта традиционная закуска «сестры Федоровы».

В первой половине 1950-х чуть ли не половина всех политических дел возбуждалась из-за вольномыслия в рюмочных – посетители отогревались, выпивали, языки развязывались.

Важная характеристика послевоенных рюмочных – всеобщность. Рестораны для подавляющего большинства населения были все еще недоступны. И все – от офицеров до студентов, от «ототкнувшихся со шконки» уголовников до фрезеровщиков 6-го разряда – стояли за круглыми столиками со столешницами из искусственного мрамора.

Пейзаж начал меняться где-то к середине хрущевского царствования. Поколение Бродского и Довлатова открыло для себя ресторанные возможности: оказалось, цены на «Крыше» в «Европейской» или в «Кавказском» не так уж сокрушительны. Главное – не бояться грозного швейцара.

Стали появляться аналоги рюмочных для ленинградского среднего класса. Это были заведения с буфетной стойкой, без официантов, где не заставляли снимать пальто (такие как «Щель» в гостинице «Астория»). Здесь всегда было темно от шинелей морских офицеров и каракулевых шубок их прелестных дам. Как вспоминает завсегдатай: «На прилавке всегда 3–5 сортов лучшего коньяка, шампанское всех видов и даже “Мускатное”, красная и черная икра, рыбка красная и белая: белуга, севрюга, кета, лосось – и выпить там 100х100 (коньяк + шампанское – в просторечии “Бурый медведь”) или 150 коньяка перед обедом было блаженством».

Рюмочная оставалась прибежищем квалифицированных, «умственных» рабочих, определявших социальное лицо города: серьезные, зарабатывающие мужчины – рыбалка, походы на стадион Кирова, отпуск в заводском профилактории или на садовом участке. Эти заведения для посетителей, окончивших рабочую смену, играли ту же роль, что в Англии – пабы. Благо на каждый из 15 районов города в среднем имелось 103 заведения, где наливали спиртное (они могли называться бутербродными, закуочными, буфетами). Ну а молчаливое большинство, презираемое посетителями рюмочных, норовило «сообразить на троих» и выпить в парадняке из граненого стакана, украденного в автомате «Газированная вода». На севере всегда много и тяжело пьют. Недаром Достоевский думал написать роман о Петербурге под названием «Пьяненькие».

В 1990-е годы советские обыкновения много и чаще всего не смешно пародировали. Ностальгия укутывалась иронией. Все эти петербургские псевдосоветские рестораны «Зов Ильича», «На здоровье» радовали разве что скупавших военные ушанки и матрешки с Горбачевым–Ельциным – Путиным иностранцев. Ближе к сути подошла сеть пивных «Толстый фрайер», основанная Александром Розенбаумом, здесь и еда доступная студентам, и музыка ностальгическая, и скумбрию к водке подают.

Рюмочные не перестраивались, они никуда не исчезали. Они остались, как Ростральные колонны, «Зенит» и Белые ночи, не меняя функции.

Давно замечено – все дорогое лучше в Москве, дешевое – в Петербурге. У нас нет изысков Аркадия Новикова, зато душевно посидеть за пару сотен рублей, не отравившись, можно на каждом углу. В первопрестольной общепит какой-то континентальный, как климат, – или очень хорошо, или опасно, неопнятно, гнусно. А Питере за свои 100–200 не отравишься и не получишь по морде.

Рюмочных, в отличие от Москвы, в Петербурге много – штук 50. Дело и в традициях, и в покупательной способности – 100 грамм с бутербродом стоят 100 рублей.

Классические рюмочные – заведения, где пьют стоя, поставив стакан и закуску на полочки, идущую вдоль стен или круглые, высокие столики. Пьют водку, коньяком и портвейном пренебрегают. Закусывают бутербродами.

Строгая женщина, часто татарка, знающая завсегдатаев и их обыкновения наизусть, быстро пресекает всякое поползновение на нарушение порядка. Да и сами посетители встречают любое повышение голоса со стороны подвыпивших клиентов недовольными взглядами, а могут и выкинуть на улицу. Впрочем, если постоянный посетитель заслужил своим поведением одобрение – ему будет открыт кредит. И можно будет заплатить «хозяйке» и товаром: рыбой, грибами.

Единственное усовершенствование, произошедшее в последние годы в рюмочных, – появление горячих закусок – яичницы, сосисок, иногда супа. Но сути это не меняет. Расчет на быструю сменяемость контингента. Засиживаться не принято. Если приятели не хотят расставаться, идут в соседнее заведение, благо оно, как правило, недалеко.

Средний возраст посетителей близок к пенсионному, почти все эти люди воспитаны на простом и суровом жанре рюмочной сызмальства. Все, кто пил много, вымерли, не пережили 1990-е. Остались закаленные ветераны, знающие свою норму и привыкшие к «культурной» выпивке.

В деревне всякий человек – знакомый или знакомый знакомого. Городская жизнь безлична: персонаж из толпы – не сосед и не Ванин шурин, просто какой-то прохожий. «Человек человеку – бревно», – писал Алексей Ремизов. Рюмочное – заведение для одиночек, здесь царствует отчуждение. Здесь человек чувствует себя спокойно, тут рефлексируют. Это касается, прежде всего, заведений центральных, проходных, где постоянные посетители – редкость.

Другое дело – распивочные, спрятанные в глубине старых кварталов. Постиндустриальная экономика оторвала рюмочную от завода и привязала к местности. Не случайно самые известные рюмочные расположены в старых районах – в Коломне, на Лиговке, в Песках, у Сенной площади. Тут, кроме рюмочных, существуют и другие традиционные заведения, кафе и закусочные, где можно выпить коньячка, закусить миногами, съесть солянку и домашнюю котлету, и все это максимум рублей за 500, не выходя из бюджета.

Теперь здесь ежедневно встречаются не приятели по цеху, а те, кто ходил в одну школу, жил в одном дворе, и лечится в одной поликлинике. Пенсионеры, инженеры, доценты, водители, кузовщики, учителя физики и физкультуры. Люди не слишком довольные окружающей жизнью. По политическим убеждениям в основном коммунисты, встречаются яблочники.

Есть даже одна рюмочная (адрес по понятным причинам не называю), где во время «снежной революции» участникам митингов накатывали со скидкой, а ораторам хозяева представлялись за счет заведения.

Рюмочные не поддаются стилизации. Было несколько попыток создать нечто в этом жанре для более молодой и платежеспособной публики. Все они провалились. Молодежь пьет значительно меньше отцов и дедов, к водке душой не прикипела. Местные хипстеры предпочитают накатить «шот» в модном баре, где-нибудь на Думской или на Фонтанке. А настоящие ценители жанра в новые заведения не потянулись – дорого.

Рюмочные пока живы, но медленно вымирают вместе со своими клиентами, как толстые журналы или игра в домино во дворе.

Глава 2

От столицы к провинции

Могут ли в стране сосуществовать две столицы? Русский опыт показывает – нет. Москва не дает конкурентам развернуться, уничтожая или присваивая местные элиты.

«Вертикаль власти», по мнению большинства серьезных историков, привнесли в русскую жизнь монголы. Александр Невский и его московское потомство верно служили ханам, а за это получали ярлыки на великое княжение (то есть право самим собирать дань). Московские князья служили татарам «паханами». Поставленные «смотрящими» над Русской землей Иван Калита и его брат Юрий навели ханов на главного своего соперника – Тверское княжество и убили ордынскими руками тверских князей Михаила Александровича и его сына Александра.

Дмитрий Донской прекратил платить дань Мамаю, чтобы сменить бывшего сюзерена на Тохтамыш. Не единожды прибегал к татарской помощи Василий Темный, именно благодаря ордынцам он победил Юрия Звенигородского и Дмитрия Шемяку.

Но московско-татарский путь развития Руси не был единственным. Другой тип цивилизации представляли собой «северорусские народоправства» – вечевые Псков, Вятка, Новгород. С XI по XV век Новгород – центр могучей демократической республики, своеобразного моста между Западом и Востоком. Город, не уступающий численностью населения Парижу и Лондону, почти поголовно грамотный. И хотя непокорный Новгород и вынужден был платить дань татарам (ставленником которых был их князь Александр Невский), ордынское влияние здесь было минимально. Член Ганзейского союза Новгород тяготел к Европе.

Орда рухнула, как позже СССР, – бескровно. Вассальные провинции стали независимыми государствами, одним из таких – Великое княжество Московское. Ордынская вертикаль сохранилась с единственным изменением: вместо Сарая – Москва.

Иван III стал новым ханом. Присоединил к Москве Тверь и Ярославль. Под надуманным предлогом в 1471 году он пошел походом на Новгород. С ним вассальные касимовские татары во главе с царевичем Данияром. С их помощью москвичи победили новгородцев на реке Шелони, казнили новгородских посадников и добились от Новгорода сначала вассальной зависимости, а потом, в 1478 году, полностью аннексировали земли республики.

В 1510 году Василий III требует, чтобы «жалобные люди» из Пскова, недовольные московским воеводой, «копились» в Новгороде. И когда все недовольные оказались вначале под присмотром, а потом по темницам, москвичи сняли вечевой колокол с псковской Святой Троицы и присоединили к себе город святого Довмонта.

Понятно, что какие-то воспоминания о независимости в Новгороде, Пскове и Твери оставались. Как сказали бы коммунисты, «родимые пятна прошлого».

Иван Грозный решал проблемы радикально. Поход опричного войска на Новгород состоялся в 1569–1570 годах под личным руководством царя. Нападение русского войска на русский город, не дававший для этого повода, следовало как-то объяснить. Обоснования напоминали обвинительные акты по будущим сталинским «Большим процессам»: соучастие в «заговоре» недавно убитого по приказу Ивана князя Владимира Андреевича Старицкого и намерение передаться польскому королю. Поводом послужил донос, поданный неким бродягой, Петром, за что-то наказанным в Новгороде.

По пути в Новгород осенью 1569 года опричники устроили массовые убийства и грабежи в Твери, Клину, Торжке и других городах. В Тверском Отроче монастыре в декабре 1569 года Малюта Скуратов собственноручно задушил митрополита Филиппа, отказавшегося благословить поход.

С 8 января по 13 февраля 1570 года продолжался геноцид в Новгороде. Иван велел обливать новгородцев зажигательной смесью и затем, обгорелых и еще живых, сбрасывать в Волхов; иных перед утоплением волочили за санями; детей привязывали к матерям и метали их вместе в реку. Священники и монахи после различных издевательств были забиты дубинами и сброшены туда же. Современники сообщали, что Волхов был запружен трупами. Людей забивали до смерти палками, ставили на правёж¹, чтобы принудить их к отдаче всего своего имущества, жарили в раскаленной муке. В иные дни число убитых достигало полутора тысяч. Были разграблены монастыри, сожжены скирды хлеба, избит скот. Наступил голод, сопровождавшийся людоедством.

Во вскрытой в сентябре 1570 года общей могиле, где погребали всплывших жертв Ивана Грозного, а также умерших от голода и болезней, насчитали 10 000 трупов.

Из Новгорода Грозный отправился к Пскову. Там царь своими руками убил игумена Псково-Печорского монастыря Корнилия, ограбил и казнил нескольких псковичей.

Любопытно, что позже именно героизм псковичей при обороне Пскова от поляков Стефана Батория спас и Россию, и Ивана Грозного от окончательного разгрома в Ливонской войне.

После похода Ивана Грозного никакой город не мог больше бросить вызов Москве. Вертикаль установили всерьез и надолго.

Петр Великий не любил Москву. В 1712 году двор переехал в построенный Петербург. По словам Виссариона Белинского: «Таким образом, Россия явилась вдруг с двумя столицами – старую и новую, Москвою и Петербургом. Исключительность этого обстоятельства не осталась без последствий, более или менее важных. В то время как рос и украшался Петербург, по своему изменялась и Москва».

Петербургский период русской истории много уступал в жестокости московскому. Да, Москва чувствовала себя слегка обиженной; скорее курортом, чем деловым или интеллектуальным центром. Как писал Николай Гоголь: «В Москву тащится Русь с деньгами в кармане и возвращается налегке; в Петербург едут люди безденежные и разъезжаются во все стороны света с изрядным капиталом».

Однако у Москвы были плюсы, с лихвой возмещавшие потерю столичного статуса. Петербург – город искусственный, на периферии России. Москва – в центре естественной экономической активности, на скрещении речных, а позже и железнодорожных путей. Петербург – город чиновничий, военный, позже – пролетарский. Москва – купеческий и дворянский. Темп жизни в Москве не так интенсивен, зато частных капиталов и мудрых голов в избытке.

Москва – это Петр Чаадаев, Александр Островский, Лев Толстой, Антон Чехов, Андрей Белый, Марина Цветаева, Борис Пастернак. Это Художественный театр, Третьяковская галерея, «Голубая роза» и «Бубновый валет». К 1914 году разрыв между Москвой и Петербургом не очевиден. Страна в 1913-м действительно летит на двух крыльях – петербургском и московском.

Но Петроград искусственнее, неожиданнее. Баланс классовых сил неочевиден. Социальный состав населения способствует бунтам. Именно в столице императорская Россия найдет свой бесславный конец.

Большевиками была установлена новая иерархия: Петроград – четвертый Рим, столица мировой пролетарской революции (а значит, в перспективе – всего земного шара), Москва – главный город Советской России. Глава Петрограда Григорий Зиновьев по совместительству занимал пост Председателя Коммунистического интернационала. Именно он переименовал сразу после смерти вождя Петроград в Ленинград – особую пролетарскую столицу, где свой пантеон (Марсово поле) и свои новомученики (Урицкий и Володарский).

¹ Ставили перед судом или приказом, где человек был обвинен, и в продолжение нескольких часов били батогами по ногам. – *Прим. ред.*

Именно Зиновьев начал беспощадную чистку Петрограда от Петербурга. Город лишился (умерли от голода, убиты, эмигрировали, переехали в Москву) Ильи Репина, Александра Блока, Николая Гумилева, Владимира Маяковского, Сергея Есенина, Дмитрия Мережковского, Зинаиды Гippiус, Аркадия Аверченко, Осипа Мандельштама, Тамары Карсавиной, Анны Павловой, Федора Шаляпина, Александра Куприна, Ивана Бунина.

Исчезли журналисты, бизнесмены, инженеры и профессора, биржевые деятели, модистки, присяжные поверенные, рестораторы, депутаты думы, офицеры гвардии, дипломаты, чиновники: в новом Петрограде они были решительно никому не нужны. Как писал Николай Тихонов:

«Случайно к нам заходят корабли,
И рельсы груз проносят по привычке;
Пересчитай людей моей земли —
И сколько мертвых станет в перекличке».

Героев Блока сменяли герои Зощенко. Уже в начале 1920-х Москва была культурно и финансово привлекательней, да и либеральней Северной столицы.

Именно в Петрограде в августе-октябре 1918 года чекисты расстреляли 800 «заложников», в огромном большинстве абсолютно аполитичных граждан дворянского и буржуазного происхождения. Казни происходили в самом центре города у стен Петропавловской крепости.

В августе 1921 года ЧК нанесло сокрушительный удар по петроградской интеллигенции – так называемое «Таганцевское дело», по которому расстреляли более 60 человек, в том числе и Николая Гумилева (подробнее – далее, в отдельном очерке).

5 июля 1922 года присудили к расстрелу руководство православной общины: митрополита Вениамина, архимандрита Сергия, профессора юриспруденции Ю. П. Новицкого, адвоката И. М. Ковшарова, епископа Венедикта, протоиерея Н. К. Чукова, Л. К. Богоявленского, М. П. Чельцова, Н. Ф. Огнева и Н. А. Елачича. После ходатайств перед ВЦИК о помиловании, последним шести подсудимым расстрел заменили долгосрочными тюремными сроками.

16 ноября 1922 года из Петрограда в Германию отправился пароход «Пруссия», на котором выслали 17 петроградских интеллектуалов – философов, социологов, юристов, искусствоведов (среди которых две, в будущем, знаменитости Гарварда – социолог Питирим Сорокин и специалист по античности Федор Ростовцев).

Кажется, что проиграли только «бывшие люди». На самом деле еще страшнее оказалась судьба победителей. За что боролись, на то и напоролись. Кадровые рабочие, балтийские матросы вскоре ощутили – их обманули. Для большевиков именно они оказались пушечным мясом. В них больше не нуждались. Встал порт и большинство промышленных предприятий, началась безработица. Меж тем забастовки и свободные профсоюзы запретили. Выборы в Советы стали чистой формальностью, все решала коммунистическая номенклатура.

Рабочую аристократию – тех, кто выходил на улицы в январе 1905-го, феврале, июле и октябре 1917-го, брал Зимний, сражался с Юденичем – большевики преследовали так же свирепо, как аристократию крови.

С конца 1924 года началась борьба за власть между Сталиным и его группировкой и зиновьевцами. Противники Сталина – это ленинградская партийная организация + Надежда Крупская + Лев Каменев + нарком финансов Георгий Сокольников. В первый раз после революции борьба двух столиц стала явной. «Ленинградская правда», «Смена», «Красная газета» и другие печатные органы ленинградской оппозиции обосновывали правоту зиновьевцев избранностью ленинградского пролетариата, тем, что именно он инициировал большевистскую революцию. И, вероятно, несмотря на личную омерзительность Зиновьева, ленинградские партийцы были на стороне Смольного. Речь ведь шла о престиже и положении их родного города.

Разгром «ленинградской оппозиции» стал рубежом для Иосифа Сталина. Отныне город воспринимался вождем как потенциально опасный. Иосиф Виссарионович, как известно, величайшим героем русской истории считал Ивана Грозного. В беседе с Николаем Черкасовым (исполнявшим роль царя в фильме Сергея Эйзенштейна) он называл опричное войско прогрессивным, а своего исторического предшественника корил только за то, что «Ивашка недорубал» своих возможных противников. Зато генсек «рубал» от души. Ленинград срифмовался с Новгородом. Политические дела стали повседневностью.

После изгнания Зиновьева московским наместником, воеводой Ленинграда, назначили верного сталинца Сергея Кирова. И при всем том, что парень он был довольно обаятельный, Москве не перечил и что приказали – исполнял, процессы в Ленинграде продолжались.

1925 год – «Дело Лицеистов». По обвинению в организации встречи выпускников в Лицейский день (19 октября), существовании кассы взаимопомощи и проведении панихиды по погибшим лицеистам арестованы 150 человек, 26 расстреляны.

1928 год – «Семеновское дело». Боевое знамя старейшего гвардейского полка спрятано под алтарем полкового храма. Коллегия ОГПУ приговорила 11 офицеров к расстрелу, четверых – к десятилетнему, а пятерых – к пятилетнему сроку в концлагере.

В феврале 1928 года Д. С. Лихачев и 8 его товарищей были арестованы за принадлежность к студенческой «Космической академии наук».

1929 год – «Академическое дело». Арестованы крупнейшие петербургские историки – Сергей Платонов, Евгений Тарле, Борис Романов. Обвинения – заговор с целью свержения советской власти и восстановление монархического строя путем интервенции и вооруженных выступлений внутри страны – целиком вымышлены ОГПУ.

В 1930-м по «Делу о контрреволюционной группировке в Центральном бюро краеведения» арестованы и осуждены несколько известных специалистов по истории города.

В 1931 году начинается чистка Ленинграда от бывших царских офицеров. 373 из них арестовали. Несколько десятков расстреляли, остальные оказались на Соловках и Беломорканале.

В августе 1931 года 25 человек осуждены по сфабрикованному ОГПУ делу о «контрреволюционной группировке в экскурсионной базе». Продолжились чистки среди интеллигенции. В Академии наук, Центрархиве, издательствах арестовали несколько десятков ученых. В декабре были арестованы, а затем приговорены к ссылке обэриуты Хармс, Введенский, Бахтев.

7 ноября 1932 года открылось новое здание ОГПУ, знаменитый «Большой дом».

В апреле 1933 года Политбюро приняло решение об организации в дополнение к многочисленным лагерям, колониям и спецпоселкам, так называемых, трудовых поселений, куда, помимо крестьян, обвиненных в саботаже хлебозаготовок, предполагалось направлять «городской элемент, отказавшийся в связи с паспортизацией выезжать из Москвы и Ленинграда», а также «бежавших из деревень кулаков, снимаемых с промышленного производства». В конце 1932 – начале 1933 годов ленинградское руководство, занималось чисткой города от «чуждых элементов» в связи с введением паспортов. 57-летний инженер И. Д. Смирницкий, например, получивший приказ о выселении из Ленинграда, пытался найти правду у городских властей: «...Я сделал попытку добиться толку в райсовете, но там я оказался в очереди свыше шестисот человек и ушел без всяких результатов».

1 декабря 1934 года в Смольном Леонид Николаев застрелил Сергея Кирова. С этого события начинается «Большой террор». В убийстве были обвинены зиновьевцы, то есть фактически все ленинградцы – члены ВКП(б), голосовавшие в 1925 году за «ленинградскую оппозицию».

9 января 1935 года состоялось Особое совещание при НКВД СССР по уголовному делу «ленинградской контрреволюционной зиновьевской группы Сафарова, Залуцкого и других». На этом заседании были осуждены 77 человек.

26 января 1935 года Сталин подписал постановление Политбюро о высылке из Ленинграда на север Сибири и в Якутию 663 бывших сторонников Зиновьева. В 1935 году были арестованы 843 зиновьевца. 325 бывших оппозиционеров были переведены из Ленинграда на партийную работу в другие районы.

Сталин у гроба Кирова – в почетном карауле. 1934 год

Одновременно с этим начинается операция «Бывшие люди». Так как «лишенцы» – «представители бывших эксплуататорских классов» с зиновьевцами не имели ничего общего, понятно, что под шумок решено было нанести удар по Ленинграду в целом.

Сигнал к массовому выселению «бывших» был дан закрытым письмом ЦК от 18 января, в котором утверждалось: «Ленинград является единственным в своем роде городом, где больше всего осталось бывших царских чиновников и их челяди, бывших жандармов и полицейских... Эти господа, расплзаясь во все стороны, разлагают и портят наши аппараты».

Спустя два месяца в «Правде» было помещено сообщение о высылке из Ленинграда «за нарушение правил проживания и закона о паспортной системе 1074 граждан из бывшей аристократии, царских сановников, крупных капиталистов и помещиков, жандармов, полицейских и др.». На самом деле в 1935 году из Ленинграда выселили 39 660 человек (два заполненных стадиона «Петровский»); 24 374 человека были приговорены к расстрелу, заключению в лагерь или ссылке.

1937–1938 годы были в Ленинграде особенно жестокими. Как известно, «Большой террор» в его зените включал несколько «операций», планы которых давала Москва. Для Петербурга эти «операции» были особенно значимы потому, что касались важных для города меньшинств. Удар наносился по представителям национальных групп, а значит, многочисленных в Ленинграде поляков, немцев, финнов, эстонцев, латышей и литовцев. В ходе «финской» операции расстреляли 739 человек, немцев было арестовано 2919, расстреляно 2014, поляков было арестовано 2039, расстреляли 1022.

Еще один удар был нанесен по верующим всех конфессий. Из 107 управляющих Санкт-Петербургской епархией репрессировали 82 человека, всего активных православных – 1017, активных католиков репрессировано 365 человек, 80 – обновленцев, 19 – чуриковцев, 28 – старообрядцев, 293 – евангелических христиан, 41 – древне-евангельских христианина, 10 – адвентистов, 109 – иудеев, 17 – мусульман, 27 – буддистов.

Репрессии коснулись 1047 железнодорожников, 170 литераторов, 127 инженеров Особого технического бюро, 71 судостроителя, была разгромлена Пулковская обсерватория, расстреляли и отправили в лагерь 970 геологов.

Всего в Ленинграде в 1937–1938 годах было расстреляно 39 488 человек, в том числе в 1937-м – 18 719, а в 1938-м – 20 769.

Может быть не по масштабам, но по значению сталинский террор в Ленинграде напоминал то, что сделал Иван Грозный с Новгородом. «Ровные полешки лучше горят»: из города постарались убрать всех, кто как-то отличался.

От Ленки Пантелеева и Леонида Николаева до Николая Заболоцкого и Бенедикта Лившица.

1912-й: Перелом жизни

Как и почему 100 лет назад благополучная, набирающая силы и ресурсы Россия достигла точки кипения, приведшей к революции с обнищанием и братоубийством?

В 1912 году Россия жила лучше, чем когда-либо раньше. Позади были страшные годы «русской смуты» – 1905–1907: солдатские бунты, погромы имений, перестрелки в центре столиц. «Смута», в конце концов, привела к Конституции, премьер-министру Столыпину и позволила интеллигентам безнаказанно рассуждать в печати о судьбах России. Революция осталась позади и воспринималась, как сегодня «лихие 1990-е».

В 1912-м темпы роста ВВП поражали воображение, зримо росло не только благосостояние городов, но и села. За всю историю нашей страны ее экономика не развивалась так тотально и ошеломительно. Выплавка чугуна в 1910 году составляла 186 млн пудов, а в 1912 году – 256 млн. Добыча каменного угля в 1910 году равнялась 1,522 млн пудов, а в 1913 году – уже 2,214 млн. За три года (1911–1914) со 120 до 220 млрд рублей вырос основной капитал русских машиностроительных заводов. За 12 лет с 1900 года выплавка меди и добыча марганца выросли в пять раз.

«Золотой дождь» пролился буквально на все слои населения. Мужик впервые стал важным покупателем керосиновых ламп, швейных машин, сепараторов, жести, калош, зонтиков, черпаховых гребешков, ситца.

Гулянье в Летнем саду. 1 мая 1911 года

За несколько лет 4 млн крестьян перебрались из Европейской России в Сибирь. Алтай превратился в важнейший зерновой район, там же производили масло на экспорт. За 5 лет количество крестьян – пайщиков кооперативных обществ увеличилось в 12 раз.

Петербургские рабочие выписывали газеты, жили в отдельных квартирах (сдавая жильцам часть комнат внаем), ходили с женами в шляпках в «Народный дом» на Шляпина. Средний годовой заработок рабочего на электростанции составлял 447 рублей (для сравнения: простой техник получал 1500 рублей в год, а специалист-инженер – 2400), на машиностроительных заводах – 425 (в 1901 году средний рабочий получал в год 201 рубль). Электрик на шахте «Никита Хрущев» имел костюм-тройку, мягкую велюровую шляпу, на работу добирался из собственного домика на велосипеде.

Федор Шаляпин с поклонниками у служебного входа театра Народного дома. Фото Карла Буллы

В стране ежегодно издавался 71 млн книг, выходило 440 ежедневных газет. Модные авторы, не в пример Достоевскому или Чехову, становились миллионерами: не только Горький, Андреев, Куприн, но и Бунин, Мережковский, Арцыбашев считались людьми с достатком. Но это кумиры прошлых поколений.

В марте 1912 года вышла первая книга Анны Ахматовой «Вечер», чуть позже – второй сборник Марины Цветаевой «Волшебный фонарь» и четвертый сборник Николая Гумилева «Чужое небо». Сенсация сезона 1912–1913 годов – футуристы. Они воспринимаются одними как клоуны, другими – как наглые хамы, для которых ничего не свято, эдакие панки 1912 года, и только немногими – как серьезные художники и поэты, которые прославят русское искусство в мире.

Сенсация сезона 1912–1913 годов – футуристы. Владимир Маяковский (второй ряд, в центре) в студии художника Николая Кульбина. 1912 год

Помимо высокого искусства – Московского художественного театра, императорского балета, художников «Мира искусства», «Бубнового валета» и «Голубой розы», – бурно развивалось массовое: детективы с Натом Пинкертоном и Антоном Кречетом, кинематограф, цирк.

В Петербурге, Москве, Ярославской губернии начальное образование фактически стало всеобщим. Всего в России из 14 млн детей школьного возраста училось 8 млн. При тогдашних темпах развития образования к середине 1920-х годов четыре года школы должны были стать обязательными.

Студенты хоть разок да наведывались в Венецию и Рим. Восстанавливались после поражения с Японией армия и флот. «Русские сезоны» Сергея Дягилева завоевывали Европу. Шаляпин исполнял «Боже, Царя храни!» в высочайшем присутствии.

Страной управляло правительство во главе с компетентным и экономным Владимиром Коковцовым. Дума была местом для дискуссий, но голосовала за правительственные законопроекты. Партия власти – октябристы – почти гарантированно обеспечивала правительственным проектам законов квалифицированное большинство голосов.

Крупнейший французский экономист Эдмон Тэри писал: «Если дела европейских наций будут с 1912 по 1950 год идти так же, как они шли с 1900 по 1912 год, Россия в середине текущего века будет господствовать над Европой, как в политическом, так и в экономическом и финансовом отношении».

Революционные партии сникли. Эсеры пребывали в шоке, после того как выяснилось: руководитель их Боевой организации Евно Азеф – агент полиции. Социал-демократы грызлись друг с другом в эмиграции. Учебник по антиправительственным организациям для офицеров жандармского корпуса упоминает Ленина дважды («брат повешенного Александра Ульянова, лидер большевиков совместно с Александром Богдановым»). Интерес к политике в обществе минимальный.

Большинство интеллигенции вняло словам Михаила Гершензона, опубликованным в знаменитом сборнике «Вехи»: «Каковы мы есть, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, – бояться его мы должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной».

Российское государство впервые за полвека обладало мощными союзниками, среди которых Англия и Франция. Армия была полностью восстановлена и перевооружена, на Балтике и Черном море строились линкорные эскадры.

И именно в 1912 году стабильность закончилась. Недовольство возникает не тогда, когда угрожают настоящие голод, смута, война. Наоборот, протест – некий дополнительный бонус. Возникает ощущение, что твой успех упирается в потолок, обстоятельства мешают, надо что-то делать. Сытый человек больше голодного озабочен и планированием жизни, и чувством собственного достоинства.

Казалось бы, в 1912-м покупай сайки от Филиппова, обедай в «Вене», сходи послушай модного поэта Блока. Ан нет, всех интересуется Григорий Распутин, непомерные расходы великих князей и казнокрадство. Так и дожили до февраля 1917-го. Власть, чувствуя отсутствие давления снизу, начинает распоясываться, что немедленно вызывает ответное брожение.

Прошедшие осенью 1912-го выборы в IV Думу общественность считала фальсифицированными. Из списков вычеркивали либеральных кандидатов, с тем чтобы их жалобы на нарушение избирательных прав рассматривались уже после выборов. И все равно новая Дума оказалась гораздо более оппозиционной, чем предыдущая. Уже через 3 года, в 1915-м, там образуется антиправительственное большинство – «Прогрессивный блок».

Для левых гораздо важнее выборов стали события в Бодайбо на притоке Лены. Там несколько тысяч рабочих занимались добычей золота. В 20–60-метровые шахты спускались по вертикальным обледелым лестницам, работали по колено в воде. После смены в сырых робах шли по лютному холоду несколько верст до барачков. За год на каждую тысячу человек приходилось 700 травм.

29 февраля 1912 года началась стачка; к середине марта бастовало 6 тысяч человек. Требования экономические: семейным – отдельная комната; не увольнять зимой; ввести выходные по воскресеньям и в двенадцатые праздники²; к рабочим обращаться не на «ты», а на «вы» и т. д. После того, как стачечный комитет был арестован, 3 тысячи человек отправились на прииск Преображенский, чтобы пожаловаться на владельцев и полицию находившемуся там товарищу прокурора. Войска, вызванные хозяевами, расстреляли шествие, результат – 500 убитых и раненых.

Жертвы Ленского расстрела рабочих 17 апреля 1912 года

Дума подала депутатский запрос. Отвечая на него, министр внутренних дел Александр Макаров сообщал: «Когда, потерявши рассудок, под влиянием злостной агитации, толпа набрасывается на войска, тогда войску не остается ничего делать, как стрелять. Так было и так будет впредь...» Как это часто бывает, запомнилась последняя фраза.

В вопросе о виновниках Ленского расстрела неожиданно сошлись правые и левые. Компания, владевшая приисками, принадлежала англичанам, а управлялась евреями: две нации равно враждебные черносотенцам. Поэтому за создание специальной думской комиссии высказался знаменитый «жидоед» депутат Николай Марков 2-й. А возглавил расследование депутат Александр Керенский, добившийся оправдания стачечников и наказания виновников расстрела. Ленские события сделали Керенскому имя.

С 1912 года пресса начинает обсуждать две темы, которые, в конце концов, станут для самодержавия роковыми. 9 марта в Думе выступает харизматик и дуэлянт, лидер октябристов Александр Гучков: «Вы все знаете, какую тяжелую драму переживает Россия. В центре этой драмы – загадочная трагикомическая фигура, точно выходец с того света или пережиток темноты веков. Какими путями этот человек достиг центральной позиции, захватив такое влияние, перед которым склоняются высшие носители государственной и церковной власти». Отныне имя Григория Распутина в центре общественного внимания. В том же году появился сенсационный компрометирующий самиздат – переписка Распутина с государыней и великими князьями.

² Каждый из двенадцати наиболее значительных праздников православной церкви (Рождество, Крещение, Сретение, Благовещение, Вход Господень в Иерусалим, Вознесение, Троица, Преображение, Успение Богородицы, Рождество Богородицы, Воздвижение Креста Господня, Введение во храм Богородицы). – *Прим. ред.*

Второй персонаж, ставший тяжелой гирей для судьбы самодержавия, – военный министр Владимир Сухомлинов. Все тот же Гучков обвиняет его в покровительстве некоему полковнику Мясоедову – темному дельцу, связанному с Германией. Через 3 года Мясоедова расстреляют за шпионаж, а Сухомлинова посадят в Петропавловскую крепость.

Наконец, 1912 год ознаменован массовыми стачками на столичных заводах. В 1911-м политических стачек в стране правительство насчитало 24, а в 1912-м – уже 1300.

«Так было и так будет впредь»? Нет уж, будет не по-вашему. Главными требованиями забастовщиков стали не повышение зарплат, а вежливое обращение. Бастовали против произвола, тыканья, хамства. «У нас в отделе начальство не стесняется в выражениях, и в обращении с рабочими трехэтажная ругань – постоянное явление. Мастер Арсеньев, как передают, не считает нужным называть рабочих по фамилии или имени, а просто свистит, и, если тот, к кому относился этот свист, не является своевременно, ему пишется штраф. Нечего сказать – вежливое обращение!» – из заметки рабочего Патронного завода.

Слова петиции рабочих Николаю II 9 января 1905 года (события эти, как известно, были спровоцированы произволом мастера патронной мастерской Путиловского завода): «Над нами надругаются, в нас не признают людей, к нам относятся как к рабам, которые должны терпеть свою участь и молчать», – относятся, несомненно, прежде всего, к мастерам, столкновения которых с рабочими были повседневными.

Большевики не врут: их «Правда», которая начала выходить 5 мая 1912 года, действительно сразу же стала популярна на заводах. Газета напоминала группу в социальной сети – она была заполнена рассказами о грубости конкретных мастеров. Такая «хроника текущих событий» на промышленных предприятиях столицы.

В 1909 году Столыпин говорил: «Дайте государству 20 лет покоя внутреннего и внешнего, и вы не узнаете нынешней России». В 1929 году начались коллективизация, индустриализация, культурная революция.

1912-й – точка перелома – первый год настоящего кризиса столыпинской благополучной России. Относительный достаток позволил думать не только о куске хлеба и личной безопасности, но и о своей единственной жизни, о возможности самовыражения. Заскорузлый режим не позволял активному меньшинству проявить себя внутри сложившейся системы.

И фельдшеры, рабочие, унтер-офицеры, которые через 10 лет будут командармами, наркомками, красными директорами, становились активными и непримиримыми врагами императорской России.

Вплоть до 1914 года обстановка накалялась, но путь к компромиссу еще был открыт. Однако с началом войны страна вошла в штопор. То, чего боялись в 1912-м и кадеты, и октябристы, и авторы сборника «Вехи», совершилось.

Площадь Восстания. Стихия

Как известно, 1917 год принес Петрограду две революции. И Февральская, в отличие от Октябрьской, была зрелищной, романтической и стихийной. Долгое время февральские события были в тени, и уделять им особое внимание в исторической среде считалось моветоном.

Россия, февраль 1917 года. Уже 304 года правит династия Романовых, а Российской империи 196 лет. У страны огромная армия, десятки тысяч дисциплинированных чиновников, флот, жандармы. Одна неделя изменила всё: в это время начали сбивать короны с двуглавых орлов, а еще через несколько месяцев вместо двуглавого орла появился серп и молот. Это была роковая неделя в истории России.

В феврале 1917 года стоял страшный мороз, температура ниже минус 20 градусов. На черном рынке пуд ржаной муки подорожал в пять раз. Газеты писали о составах с хлебом, брошенных в Южной Сибири. С 1 марта должны были ввести систему хлебных карточек. Поэтому люди стремились во что бы то ни стало запастись хлебом до этого момента. Интересно, что продавали только белый. Бунтовали для того, чтобы привезли дешевый черный, который был бы рабочим по средствам. Каждый день у булочных выстраиваются огромные очереди. Первые очереди были на Садовой улице, потом они распространились на Петроградскую сторону, затем – на рабочие кварталы Выборгской стороны, Нарвской заставы. Постепенно настроение в очередях становится все более агрессивным. Февральская революция началась с разгрома булочной на углу Ординарной улицы и Большого проспекта Петроградской стороны. Никто еще не понимал, что такое скромное событие приведет к тому, что в России изменится весь политический строй.

Очередь в булочную. Петроград

Вокруг – голод, холод, война, и с каждым днем на заводах становилось все беспокойнее. Настроение у рабочих было стачечное, вот-вот полахнет. Забастовки начинались стихийно.

В середине февраля встал весь Ижорский завод: администрация объявила недовольным локаут – увольнение без выходного пособия. Через несколько дней то же самое произошло на Путиловском. Но фактически забастовку, приведшую к Февральской революции, начали не опытные стачечники с металлургических предприятий, а женщины – текстильщицы с Выборгской стороны.

Невская ниточная мануфактура – замок на Выборгской стороне. Тут трудилось около 2000 работниц. Платили им плохо, хлеба не хватало, у многих мужья были на фронте. В день международной солидарности работниц они решили провести стачку. Пришли на завод, потом дружно его покинули, шли по большому Сампсониевскому и, как тогда говорили, «снимали»

соседние заводы. Остановился вначале «Лесснер», потом – русский «Рено». Стачка постепенно охватила всю Выборгскую сторону. Действовал принцип катящегося снежного кома.

Утром 23 февраля в городе открыто вспыхнул мятеж. К середине дня забастовку, охватившую Выборгскую сторону, уже было не остановить: только в этой части Петрограда днем 23 февраля бастовали 80 тысяч человек. Остановились десятки фабрик: рабочие митинговали, группами пытались прорваться в центр города, громили булочные. Соединились два потока – бастующие рабочие и люди из очередей.

Государя в городе не было, накануне он уехал в ставку. Но власти имели на случай волнений специальный план. Согласно ему, главная задача – не пустить мятежников на Невский проспект. Сначала на улицах города появились усиленные полицейские наряды, затем – войска регулярной армии. В распоряжении властей города имелся Петроградский гарнизон: это 180 тысяч солдат, 80 тысяч полицейских и еще 5 тысяч городских, плюс 23 казачьих сотни, то есть примерно 2 полка.

Толпа в день 23 февраля побаивалась встречи с этим свирепым воинством, но все случилось не так, как предполагали. Казаки были внешне дисциплинированные, но выполняли приказы очень формально, без энтузиазма.

С 23 февраля на Литейном мосту, который соединяет промышленную Выборгскую сторону с центром города, стояли заставы – сначала полицейские, а потом и военные. Они должны были предотвратить переход рабочих Выборгской стороны в центр. Но Нева замерзла, и рабочие переходили реку прямо по льду. По ним стреляли, но все это огромное пространство было не перекрыть. Люди в огромном количестве направлялись в сторону Невского проспекта.

В советское время улицы Петербурга переименовывали кое-как. Почему, например, улица Марата? Там Марат никогда не был. Или почему площадь Мужества? Мужество проявляли на разных площадях. Но площадь Восстания названа правильно, потому что реально именно здесь в феврале 1917 года произошло восстание, которое, в конце концов, превратилось в Февральскую революцию. Декорация мало изменилась, только на месте метро стояла Знаменская церковь. С 24 по 26 февраля главные события происходили именно здесь. Четыре стороны – демонстранты, казаки, полицейские и гвардейские полки, находившиеся в сложном взаимодействии, в борьбе, в сотрудничестве, в нейтралитете.

24 февраля. Пятница. Ровно полдень. Трамвайное движение по Лиговскому остановлено. Пути забиты вагонами. Главная точка на площади – массивный постамент памятника Александру III³, именно с него выступали ораторы. Здесь флаги и транспаранты, группы конных казаков и немногочисленные полицейские. В арках по Лиговскому, на Гончарной и слева от памятника стояли солдаты запасных рот лейб-гвардии Волынского полка. Волынцев привели помогать полиции и казакам в оцеплении. Среди гвардейцев и фельдфебель Кирпичников. Унтер-офицер с довоенным стажем, бывший железнодорожник, Кирпичников попал в запасную роту после ранения. Среди солдат он был признанный лидер.

Тимофей Иванович Кирпичников служил в так называемой учебной команде. Учебные команды – это не совсем строевые части, они предусматривали ускоренную подготовку рядовых в тылу, во время войны.

Волынский полк – это 6 тысяч человек, 150 винтовок на полторы тысячи новобранцев. Чем воевать?

Гвардейцы были растеряны. Митинг на Знаменской площади (ныне – Восстания) шел весь световой день, и солдаты из оцепления могли переговариваться с рабочими. Унтер Кирпичников их успокаивал. Говорил, что полк в демонстрантов стрелять не будет. Но в полдень 25 февраля ситуация радикально изменилась. Причиной тому стало решение полицейского рот-

³ В 1937 году памятник был демонтирован и убран в запасники Русского музея. Ныне статуя находится перед входом в Мраморный дворец, филиал Русского музея. – *Прим. ред.*

мистра отдавать приказы казачьей сотне через голову есаула. Казаки считали зазорным подчиняться полиции. Жандармский офицер допустил грубейшую ошибку – ударил левофлангового казака. Конечно, тот не мог позволить, чтобы его, казака, кто-то, а тем более полицейский, ударил по лицу. Развернувшись, он на полном скаку рубанул пристава Крылова шашкой.

После убийства полицейского казаки фактически объявили о своем дружеском нейтралитете восставшим.

Митинг на Знаменской площади. 1917 год

Самая широкая часть Невского – то ли проспект, то ли площадь – тянется от Екатерининского канала (ныне – Грибоедова) до Садовой улицы. Начиная с 24 числа, здесь происходил карнавал. Если на Знаменской площади были рабочие, то здесь действовали совершенно разные люди: и дамы, и студенты, и уголовники, и гимназистки. Здесь солдаты впервые почувствовали полную растерянность властей. Казаки вдруг заявили, что они охраняют Гостиный двор, но разгонять никого не собираются. К 25 февраля было уже совершенно непонятно, кто кого разгоняет, кто с кем борется.

Тем временем на Знаменской площади все было по-прежнему. После казачьего бунта командир наряда волынцев штабс-капитан Лашкевич несколько раз отдавал приказ стрелять. Солдатами он недоволен: не проявляли должного рвения. И гвардейцы действительно роптали: на площади стояли с семи утра и до первого часа ночи почти без еды, они чувствовали растерянность и смятение офицеров.

Днем к солдатам подходили юнкера и с одобрением рассказывали о бунте на Екатерининском канале: там солдаты лейб-гвардии Павловского полка отказались стрелять в народ. На Знаменской был и унтер Кирпичников. В эти несколько дней он даже успел отличиться. 26 февраля он задержал на углу Невского неизвестного с бомбой и передал его офицерам полиции. В то же время он постоянно твердил своим солдатам, чтобы они стреляли поверх голов, по стенам, но только не в людей. Он не хотел, чтобы были жертвы.

«Большая Северная гостиница» (ныне – «Октябрьская») – самое большое здание на Знаменской площади. Офицеры, которые в тот день были вместе с ротой на площади, время от времени уходили туда, чтобы «выпить чаю». Кроме того, здесь находилась телефонная станция, с помощью которой они связывались с властями. Солдаты видели, что каждый раз, когда офицеры выходили из гостиницы, они становились все веселее и веселее. Хотя в стране царил сухой закон, достать спиртное было просто. Вместо чая пили ханжу – разбавленную водку. Офицеры-волынцы Лашкевич, Воронцов и Ткачура постепенно становились все более развязными и мерзкими и все больше действовали на нервы своим солдатам. Один из офицеров Волынского полка просто развлекался, стреляя из винтовки по случайным прохожим. Попал в девочку лет 12, пытался убить старуху.

«Завтра снова идем на Знаменскую. Всех поднять ровно в шесть», – сказал штабс-капитан Лашкевич Кирпичникову. Но его приказ исполнен не был. Ночью в казарме унтер Кирпичников собрал солдат. Они провели очень тяжелый день на площади, к ним подходили люди и

ругали их, объясняя, что они стреляют по своим. Волынцы постановили: хватит, надоело, на площадь больше не выйдем. Капитана Лашкевича, если тот будет сопротивляться, сговорились убить.

Так начался «бессмысленный и беспощадный» русский бунт.

Солдаты Волынского полка на Литейном проспекте. Февраль 1917 года

Литейная часть, спокойный гвардейский район. Население состоит из офицеров и чиновников. В девять утра 27 февраля из здания казарм в Виленском переулке выплеснулась огромная толпа солдат. Это Волынский полк. Они убили штабс-капитана Лашкевича и полкового командира. Часть солдат в шинелях, часть без, часть с ружьями, часть без ружей. Впереди – унтер Кирпичников. Вышли из казарм и двинулись по Спасской улице (ныне – Рылеева) в сторону Кировной.

Взбунтовавшиеся полки шли смешанным строем и вместе с рабочими. Впереди – полковой оркестр саперов, гремит «Марсельеза». Войска рассредоточились. Кто-то пошел к Государственной думе. Другие остались в центре города. Но главный поток во главе с Кирпичниковым рвался к мосту, на Выборгскую. К середине дня эти солдаты постучали в ворота «Крестов». Сначала освободили политических, а потом и уголовников.

Бунт частей гарнизона оказался полной неожиданностью для командующего Петроградским военным округом генерала Хабалова. Он находился почти что в прострации. Наконец, решено сделать ставку на проверенные офицерские кадры. В полицейское управление на Гороховую был вызван полковник Преображенского полка Александр Кутепов. Боевой офицер, герой двух войн, монархист Кутепов должен пойти против бунта во главе сводного отряда карателей. Кутепов в своих воспоминаниях отмечал: Хабалов, когда давал ему полномочия, был настроен весьма решительно, хотя у него тряслась нижняя челюсть. Во всяком случае, дело еще не казалось проигранным.

К середине дня 27 февраля главной стратегической коммуникацией в городе стал Литейный проспект. Свернув с Кировной, восставшие полки двинулись в сторону Выборгской стороны. Им в след по Пантелеймоновской (ныне – Пестеля) шел отряд Кутепова. Он не догнал восставших, а дошел до нынешнего Дома офицеров, а тогда Дома армии и флота. В этой огромной толпе, ликующей, потому что восстание полка вызвало восторг у населения, отряд Кутепова рассеялся. Полковник Кутепов остался один – последний гвардеец самодержавия, последний его защитник, у которого уже не было войск.

Баррикады на Литейном проспекте. Февраль 1917 года

27 февраля Петроград был почти полностью в руках восставших. Взяты «Кресты». Пылал Окружной суд. Захвачен Главный арсенал и тюрьма Литовского замка, а в здание Государственной Думы – Таврический дворец – уже доставляли первых арестованных царских чиновников.

Руководители гарнизона, руководители округа, военный министр Беляев провели ночь на 28 февраля в Адмиралтействе. Но утром адъютант морского министра сказал им, что восставшие заняли Петропавловскую крепость и могут начать обстреливать Адмиралтейство. От греха подальше в 12 часов дня руководители гарнизона перешли в Главный штаб. Здесь они сидели до трех часов дня, не отдавая никаких приказаний. По улицам гулял революционный народ. Срывали с военных погоны, надевали красные ленточки. В 3 часа дня руководители города, последний оплот монархии, решили тихо разойтись по домам.

27 февраля Кутепову и Кирпичникову встретиться не довелось. После свержения монархии Тимофей Кирпичников стал героем февраля – был произведен в офицеры и получил Георгиевский крест. Кутепов же примкнул к Корнилову и позже стал одним из организаторов Белого движения. В 1918 году Кирпичников перебрался на Дон. Там и произошла встреча. Кутепов узнал человека, за которым он охотился 27 февраля, и приказал его расстрелять.

Тимофей Иванович Кирпичников. Вырезка из петроградской газеты, март 1917 года

Александр Павлович Кутепов

Династы в феврале

Февральская революция победила в несколько дней, но вызревала годами и началась еще до февраля. 1916 год – в Российской империи кризис. Народ устал от войны. Общество ропщет и недовольно. Вовсю шумит Дума. Царь раздражен и с каждым днем все больше оказывается в изоляции. При этом проблемы – неудачи на фронте, Распутин, дискредитация высшей власти, министерская чехарда, дороговизна и растущий продовольственный кризис – почти не решаются. Что это – глупость или измена?

Выступление Милюкова 1 ноября в Думе – штурмовой сигнал, своего рода предупреждение власти, попытка еще раз надавить на Николая и его окружение, чтобы добиться немедленных изменений в правительстве. Происходящее в Думе отражало настроение страны, которое становилось все более и более негативным по отношению к власти.

В Совете министров, в министерстве внутренних дел, в МИДе премьеры менялись как перчатки. Один из современников даже назвал Совет министров кувырк-коллегией.

В начале 1917 года в Думе наступило затишье. Она уже не напоминала бурлящий котел 1916-го. Власть надеялась, что это хороший знак.

22 февраля около двух часов дня Николай II покинул свою главную резиденцию в Петербурге – Александровский дворец Царского Села, чтобы отправиться на фронт в Могилев. Он уезжал со спокойной душой. Только что были назначены новые руководители – военный министр Беляев, квалифицированный генерал; премьер-министр Голицын, опытный сановник; и, наконец, министр внутренних дел Протопопов, рекомендованный покойным Распутиным. Протопопов вызывал чувство доверия и расположенности и у государя, и у государыни.

Император ехал в Ставку готовить важнейшее дело: русские войска должны были перейти через несколько месяцев в наступление по всему фронту. Прекрасный солнечный день – 22 февраля 1917 года.

Единственный из сохранившихся императорских составов находится в железнодорожном музее в Финляндии, в городе Хювинкяа. Там можно увидеть вагон, похожий на тот, в котором провел вечер 22 февраля и ночь на 23 февраля Николай II. Император ехал в Могилев, в Ставку, был абсолютно спокоен. Он знал, что в Петрограде все тихо. Читал «Записки о Галльской войне» Цезаря и думал о том, как он встретится с главой штаба Алексеевым и как обстоят дела на фронте.

Дума вроде была спокойна, в стране новое правительство, но именно в момент отъезда императора в Ставку, в столице назрел новый кризис. Как уже говорилось выше, Петрограду не хватало дешевого хлеба – началась спекуляция, на морозе стояли очереди, пошли слухи о карточках. Ситуация усугубилась тем, что городские власти считали – никакого хлебного кризиса в городе нет. Есть временные перебои.

Кризис возник по одной главной причине: в городе оказалось большое число неучтенных людей – около полумиллиона. Это были беженцы – люди, которые из прифронтовых губерний переместились вглубь империи. Они считали, что в Петрограде найдут для себя более приемлемые условия, чем в Тамбовской, Тверской губерниях или на Псковщине. Но с каждым днем продовольственный кризис становился все серьезнее.

На протяжении января-февраля власти постоянно докладывали императору о положении дел в столице, о слухах и недовольстве. В январе они даже специально разработали план подавления возможных волнений. Министр внутренних дел Протопопов был уверен, что государь может спокойно работать в Ставке.

Николай сознательно уехал, ему не очень хотелось перегружать себя неприятными государственными делами. Он с удовольствием пребывал в Могилеве, где слушал доклады Алек-

сеева, участвовал в совещаниях. Ему казалось, что в это время гораздо важнее находиться в Ставке, нежели в столице. Николай надеялся, что чиновники, которые составляли его правительственный кабинет, способны предпринять какие-то решительные меры.

Государь Николай II (в центре) и генерал Алексеев (справа) в Ставке

23 февраля, Петроград. К хлебному кризису прибавилась новая напасть – на Выборгской стороне начались стихийные стачки. Почти сразу же они привели к дракам с жандармами и полицией. Но власти – министр внутренних дел Протопопов и городской голова Балк – спокойны. Рабочие бастовали всегда. Кроме того, чиновники не сомневались: все выступления будут оперативно пресечены полицией и военными.

Гороховая улица, дом 2 – место, откуда командовали всей петроградской полицией. Здесь размещались 85 тысяч полицейских, 5 тысяч жандармов. Градоначальником в феврале 1917 года был генерал-майор А. П. Балк. В Петрограде он человек новый, до этого служил в Варшаве. Его однокашник Протопопов стал министром внутренних дел.

Он и пристроил «родного человечка» на эту важную должность градоначальника. Именно Балку 23 февраля 1917 года пришлось вводить в городе особое положение в связи с беспорядками. Именно отсюда, из кабинета на Гороховой, 2, Балк обзванивал приставов и приводил полицейские силы в состояние полной боевой готовности.

Александр Павлович Балк, градоначальник Петрограда с ноября 1916 по февраль 1917 года. Фото Карла Буллы. 1916 год

С каждым часом настроение в градоначальстве становилось все тревожнее. План был, но полиция не справлялась. К концу дня стало ясно, что без поддержки военных частей не обойтись. К вечеру 23 февраля было решено: с завтрашнего утра все функции по пресечению беспорядков переходят к начальнику петроградского военного округа генералу Хабалову.

Сергей Сергеевич Хабалов – отличный военный администратор, но ему не хватало одного – командного опыта. Он никогда не руководил даже полком, а сил в его распоряжении оказалось много – 500 тысяч солдат и офицеров округа, 200 тысяч из них – в столице. В случае особого положения под командование Хабалова поступали и 80 тысяч полицейских. Генерал-лейтенантом, как и многими другими, не сразу был осознан масштаб движения. Он считал, что и полицейскими мерами происходящее будет урегулировано, введено в рамки.

Сергей Сергеевич Хабалов, генерал, начальник петроградского военного округа в феврале 1917 года

24 февраля, полдень. Положение в городе стало еще хуже: бастовали уже 200 тысяч рабочих. С Выборгской стороны они толпами прорывались в центр города. Но власть запаздывала. В момент, когда уже началось восстание, министры были заняты главной проблемой вчерашнего дня – решали вопрос продовольствия.

24 февраля, как всегда по пятницам, в Мариинском дворце состоялось заседание Совета министров, которое на этот раз было расширенным. Присутствовали члены Государственного совета, председатель Государственной думы Родзянко. Председатель Совета министров Голицын приехал в Мариинский дворец в час дня в отличном настроении – на улице он демонстрантов не заметил. Решался вопрос о том, кто будет заниматься продовольствием города. Совет министров решил скинуть это чрезвычайно хлопотное дело на городское самоуправление – на городского голову Леянова и его заместителя Демкина.

Тем временем мятеж продолжался. С каждым часом становилось все яснее, что главная надежда властей, гарнизон города, совсем ненадежен. Запасные части гвардейских полков действовали вяло.

В середине дня 24 февраля у Хабалова, в здании Главного штаба на Дворцовой, собрались почти все министры. Они были взволнованы беспорядками, происходящими на улицах Петрограда, и дали Хабалову совет: первое – применять оружие и стрелять поверх голов, чтобы не давать людям переходить на другой берег Невы по льду; второе – казаки должны действовать нагайками. Но Хабалов колебался, он не решился применить силу. Солдаты не получили патронов, а казаки – нагаек.

Что значит применить оружие? Это опять 9 января, опять Кровавое воскресенье. В странах Антанты решат, что русский царь устроил в стране резню. Власти очень хотели этого избежать.

25 февраля беспорядки только усилились. Газеты не вышли. На Знаменской площади (ныне – Восстания) был убит пристав. На Невском – стрельба, демонстранты кидали гранаты в полицию. Но генерал Хабалов по-прежнему отказывался применять жесткую силу: у него не было четких указаний от императора. Начальник военного округа пытался действовать угрозами и полицейскими методами. В случае продолжения бунта он угрожал отменить воинские отсрочки и отправить на фронт рабочих с петроградских заводов, а также приказал полиции арестовать более сотни активных социалистов. Именно их пропаганда, считали Хабалов и Балк, – главная причина восстания. В ночь с 25 на 26 февраля в градоначальство, на Гороховую, 2, пришел сам министр внутренних дел Протопопов. Он хотел поздравить Балка и всю петроградскую полицию с хватким, молодецким выполнением специального задания: было арестовано 170 руководителей бунта. Можно считать, что достигнут перелом. На следующий день ясно – волнения пойдут на спад. Но Протопопов боролся не с революцией, а с руководителями революции. Арест рабочей организации, на самом деле, сыграл скорее негативную роль.

Александр Протопопов, министр внутренних дел (20 декабря 1916 – 28 февраля 1917). Фото Карла Буллы. 1916 год

Еще накануне вечером в Главный штаб пришла телеграмма от императора: «Повелеваю завтра же прекратить беспорядки, недопустимые во время войны с Германией». 26 февраля петроградские власти решились применить оружие, солдаты должны были стрелять после трехкратного предупреждения. К ночи властям показалось, что бунт идет на убыль. Тем более что вечером была успешно пресечена попытка солдатского мятежа – взят в тиски и загнан в казармы лейб-гвардии Павловский полк, не желавший стрелять по восставшим. Часть зачинщиков арестована. Теперь главный вопрос – что будет в городе завтра.

Сожжение царских эмблем у Аничкова дворца в Петрограде. Февраль 1917 год

Казенная квартира председателя Совета министров Российской империи князя Николая Голицына находилась на Моховой, 34. Сейчас тут Театральная академия. 26 февраля в 12 ночи здесь собрался Совет министров, чтобы принять заранее разработанное и обдуманное решение – распустить Государственную думу. В понедельник 27 февраля Дума должна была быть распущена. Это решение было принято быстро, а потом начали обсуждать, а что делать вообще. Глава военного округа Хабалов явно был растерян. Военный министр Беляев тоже никаких особых советов не давал. Министр внутренних дел Протопопов говорил не по существу. Присидели до четырех утра, ничего не решили и договорились собраться в 8.30.

27 февраля, 8.30 утра – в этот час в городе начался массовый бунт запасных гвардейских частей. Первыми восстали Волынцы. Следом поднялись саперы, кексгольмцы, преображенцы – восстание нарастало как снежный ком.

«Погасить бунт не можем, ситуация в столице критическая», – все последние сутки Ставка императора в Могилеве получала тревожную информацию о событиях в Петрограде. Государю писали и Протопопов, и генерал Хабалов, и премьер-министр Голицын, и глава Думы Родзянко. Но в то, что в столице уже идет революция, царь верить долго отказывался. Ведь Николай получал также письма и из Царского, от Александры Федоровны. Императрица считала, что народный бунт – дело временное и не очень опасное, а корень всех зол – теплая погода и мятежная Дума.

Государыня привыкла, что в семье она старшая и что когда Николай II уезжает в Ставку, именно она является оком государевым в столице. Но в эти дни ее внимание было рассеяно: заболели дети. Сначала Алексей и Ольга, а потом Татьяна слегли с корью. Александра Федоровна как заботливая мать занималась почти исключительно их здоровьем. Тем более что и премьер-министр Голицын, и министр внутренних дел Протопопов сообщали вести не слишком тревожные. Они говорили, что есть беспорядки, но полиция действует, к вечеру будет наведен порядок. Только 26 февраля, вечером, Александра Федоровна поняла: ее обманывают. Ситуация в Петрограде чревата бунтом. Она дала тревожную, даже паническую телеграмму в Могилев.

Днем 27 февраля и властям стало ясно: восстание необратимо. Город стремительно занимали взбунтовавшиеся части. Они уже взяли «Кресты» и разграбили арсенал, убили нескольких офицеров. Попытки послать против них верные части проваливались. Ситуация усугублялась тем, что министры были расколоты – одни требовали отставки Протопопова, другие предлагали начать переговоры с Думой. Верных частей нет, настроение офицеров совсем ненадежное. Впрочем, в столице было несколько десятков военных училищ. Но власти не использовали этот резерв.

Александра Федоровна в своем кабинете, в Царском Селе

Власть оказалась безынициативна, она не сделала ни одного шага, чтобы предотвратить события.

27 февраля в 17 часов в Мариинском дворце снова собрался Совет министров. Позже оказалось, что это было последнее заседание в истории Российской империи. Голицын, Беляев, председатель Думы Родзянко, Протопопов, великий князь Михаил Александрович (брат Николая II) – они хотели принять какие-то решения. Протопопова убеждали уйти в отставку, и он, наконец, согласился, сказав «теперь мне остается только застрелиться». Послали телеграмму в Могилев – предложили создать новое правительство во главе с князем Львовым, а Михаила Александровича назначить регентом. В общем, это предложение о том, чтобы Николай II отрекся от престола. В 8 вечера получили окорачивающую телеграмму от Николая II: «28 февраля буду в Петрограде, никаких решений без меня не принимать».

Но Николай опоздал. 28 февраля восстание победило. Теперь поворот назад был почти невозможен. К полудню мятежники взяли Петропавловку. У Думы Родзянко и Керенский принимали присягу у восставших полков. Полицейские в панике прятались. Власть в свои руки взял думский временный комитет, уже был создан Петроградский Совет. Царские сановники остались одни. В середине дня солдаты арестовали генерала Хабалова; Протопопов, по слухам, скрылся. Последним прибежищем защитников прежней власти стал Главный штаб. Оттуда министры и генералы Российской империи разбрелись кто куда.

Последнюю ошибку царь совершил, выехав в Петроград 28 февраля и изолировав себя от Ставки, где он мог рассчитывать на поддержку.

Судьба России решилась в вагоне императорского поезда. Поздно вечером 28 февраля император выехал из Могилева в Царское село, но путь был закрыт. Революция уже охватила железные дороги, и императору пришлось через станцию Дно свернуть в Псков. Весь день 2 марта был посвящен раздумьям о том, сложить ему свои полномочия или нет. Все командующие фронтами советовали подать в отставку. Только командующий Черноморским флотом адмирал Колчак предпочитал не отвечать вообще. 2 марта в 3 часа дня император сложил свои полномочия. Еще за неделю до этого ничто не предвещало такого исхода.

Вагон-салон поезда, где 2 марта 1917 года Николая II отрекся от престола

Виктор Шкловский – террорист и филолог

Я был завучем и методистом по истории в Классической гимназии⁴. Год, по-моему, 1994-й. Пришел в 10-й класс новый учитель, надо его прослушать. Сажу на задней парте, все вижу: дети списывают друг у друга: кто греческий, кто алгебру, кто латынь. Так было, так будет.

Педагог неплохой: внятно так рассказывает про «Великие реформы». Земская, городская, освобождение крестьян, амнистия, смягчение цензуры.

А между тем, учитель переходит к обучению в диалоге, закрепляет пройденный материал: «Скажите ребята, а кто проиграл в результате Великих реформ?» Лес рук (левых, правые продолжают списывать греческий) – крестьяне проиграли, дворяне проиграли, революционеры проиграли и реакционеры тоже проиграли. «Хорошо, ребята, молодцы, а кто выиграл от Великих реформ?» Молчание, никто не знает. Надо выручать класс, и руку поднимает Даня Дугаев, тогда десятиклассник, нынче – заметный московский журналист, главный редактор «Афиши – Мир».

«Кто же выиграл, Данечка?» – «Богема, Борис Григорьевич?» И я, и Борис Григорьевич, и класс обалдели. Под таким ракурсом реформы Александра II никто не рассматривал. И правда, кто выиграл?

А самое интересное – кто выиграл в 1917-м?

13 декабря 1913 года в знаменитом артистическом подвале «Бродячая собака» должен был состояться доклад 20-летнего студента историко-филологического факультета Петербургского университета Виктора Шкловского «Место футуризма в истории языка». Зал заполняли знаменитейшие поэты, балерины, богатые люди. Они привыкли слушать пианиста Артура Лурье, поэта Анну Ахматову, наслаждаться танцами Тамары Карсавиной. Теперь их неожиданно занимал какой-то студент, который пытался опровергнуть существующую филологическую науку. С этого момента имя Шкловского стало известно всякому образованному студенту в России, сегодня оно известно во всем мире.

Чествование Бальмонта в «Бродячей собаке». 8 ноября 1913 года

Наука вне политики. Место ученого – в лаборатории или за письменным столом. Для расшифровки генома или изучения рифмы политика не нужна. Но Марат был доктором медицины, а Бенджамин Франклин – физиком. Русский филолог Виктор Шкловский поставил на дыбы науку о литературе, как Эйнштейн физику. Но Шкловскому было мало науки. Он писал

⁴ Санкт-Петербургская классическая гимназия № 610. – Прим. ред.

романы, сценарии, играл в кино и, что мало кому известно, был героем войн, революций и эсеровским боевиком.

Он занимался совершенно противоположными вещами – не просто разными, а, казалось бы, совершенно несовместимыми. Шкловский служил в чине унтер-офицера, имел дело с броневиками, с авиацией и в то же время издавал сборники по поэтическому языку, которые впоследствии легли в основу филологических теорий 1920-х годов.

Виктор Шкловский

Это новое научное направление развивал человек, который очень плохо учился в гимназии, с трудом ее окончил. Он так и не завершил обучения в университете, проучившись в нем один или полтора курса от силы. Шкловский не знал иностранных языков, с трудами зарубежных ученых, с которыми он полемизировал и на которых ссылаясь, был знаком только по переводам.

Наука изучает природу вещей. Чтобы построить электромотор, надо понять природу электрического тока, а чтобы узнать, что такое стихи, необходимо выяснить, из чего они состоят.

Когда этот простой вопрос поставил в предреволюционном Петрограде Виктор Шкловский, а за ним – Юрий Тынянов и Борис Эйхенбаум, тоже совсем молодые филологи, разразился скандал. Это было, как пощечина общественному вкусу, как поэзия друзей Шкловского – футуристов Владимира Маяковского и Велимира Хлебникова. Шкловский не походил на филолога, они – на поэтов. Какая-то шпана, люди улицы. Даже не удивляет, что филолог-Шкловский в 1917 году на броневике мчался арестовывать царское правительство.

Виктор Шкловский, его сверстники и товарищи, разночинцы с Васильевского острова и Петроградской стороны, выбрали революцию сознательно. И потому что действительно верили: политическая свобода способна творить чудеса, – и из своих узкоклассовых интересов. А главное – в науке при устоявшемся режиме (все равно каком) социальные лифты движутся со скрипом, медленно. Кафедрами начинают заведовать, когда лучшие книги уже написаны. Революция заставила большую часть русской профессуры эмигрировать, но она же расчистила путь для молодых и тщеславных. То же произошло в искусстве и литературе. 1920-е годы – время великой прозы, поэзии, живописи. Это великая эпоха и в истории русской филологии.

Возглавив одно из отделений своего огневого дивизиона, Шкловский принял непосредственное участие в вооруженном восстании 1917 года. По некоторым сведениям, один из защитников царского режима генерал Хабалов послал в критической ситуации телеграмму в Ставку о том, что он окружен боевиками Шкловского и делать ему больше уже нечего.

Человек с талантами Шкловского в это смутное время мог бы сделать карьеру публичного политика. Он депутат Петроградского совета. Но Шкловский не демагог, а боец. Из Петрограда он отправился комиссаром Временного правительства на Юго-Западный фронт, где

агитировал за наступление на австрийцев. Убеждать он умел, и вот лидер формалистов – в бою впереди пехотной цепи.

Шкловский обладал биологической храбростью. 3 июля 1917 года, раненный австрийской пулей в живот навылет, Шкловский сумел подняться и отдал приказ продолжать наступление, в то время как позорное бегство казалось неизбежным. Из рук Лавра Корнилова Шкловский получил Георгиевский крест.

Жизнь Шкловского – приключенческий роман. Из Персии он выводил совершенно разложившиеся части русской армии. Попал в Кавказский круговорот, где все воевали со всеми. Пытался защищать беззащитных и в страну возвратился только вместе со своими солдатами.

В начале 1918 года Виктор Шкловский вновь оказался в Петрограде. Он сразу попал на Манежную площадь. Здесь, в нынешнем Зимнем стадионе, а тогда Михайловском манеже, располагалась его родная часть – запасной бронедивизион. Шкловский – эсер, участник антибольшевистской организации. Он хотел использовать силу бронедивизиона, чтобы свергнуть диктатуру Ленина и Троцкого.

Шкловский вступил в боевую группу, возглавляемую Григорием Семеновым; она готовила террористические акты против большевистских вождей. День – в казарме или в динамитной лаборатории, вечер посвящен науке. Вместе с Тыняновым и Эйхенбаумом пытался понять, как сделана литература, из чего состоит ее механизм. Тынянов анализировал Пушкина. Эйхенбаум писал «Как сделана “Шинель” Гоголя», а Шкловский штудировал английского классика XVIII века Лоренса Стерна. Все это называлось «Общество по изучению поэтического языка» – ОПОЯЗ. Террор отдельно, филология отдельно.

Коллеги по филологии относились к политической деятельности Шкловского с некоторым недоумением и осуждением. Политических единомышленников среди членов ОПОЯЗа у Шкловского не было. Он предлагал захват тюрьмы, куда после арестов 1918 года попали участники военной организации эсеров, в том числе и брат Шкловского Николай, в феврале – комендант Петроградского района.

Операция не удалась. Шкловский стал профессиональным подпольщиком. Из Петрограда его перебросили в Саратов. Там не было ОПОЯЗа, и не с кем было поговорить о теории прозы, но для эсеровского боевика работы хватало.

20 июня 1918 года нарком пропаганды Моисей Володарский, человек, который закрывал оппозиционные большевикам газеты, на своем автомобиле «Бенц» ехал на Обуховский завод. Его автомобиль заглох. Володарский вышел из машины, начал искать телефон, чтобы позвонить и сообщить, что ему необходим бензин. Пока он бегал в поисках телефона, к нему подошел некий господин и разрядил в него обойму браунинга. Володарский был смертельно ранен. Убили его боевики Семенова. Это событие сыграло роковую роль в жизни участника семеновской организации Виктора Шкловского.

Памятник на месте убийства В. Володарского на Фарфоровом заводе

Именно убийство Володарского открыло новую страницу в отношениях правых эсеров и большевиков. Похороны наркома на Марсовом поле превратились в мощный митинг, ставший идеологической прелюдией к началу Красного террора. Уже после убийства главы Петроградской ЧК Урицкого большевики ответили сотнями казней. Расстрелян был и родной брат Шкловского, Николай. Сам Виктор Борисович в это время постоянно перемещался по стране и уходил от ареста. В ноябре 1918 года политический пейзаж в стране резко изменился. Эсеры прекратили террор, и Шкловский решил выйти из игры.

Митинг на месте похорон В. Володарского на площади Жертв Революции

Виктор Борисович пришел к симпатизировавшему ему Максиму Горькому, рассказал свою историю. Говорил, что не собирается больше заниматься политикой и просит помочь. Горький басил: «Ничего, мы сейчас это поправим. Я сейчас позвоню Якову, и Яков тебя простит». Горький позвонил Якову Михайловичу Свердлову и сказал: «Яков, сейчас к тебе придет Шкловский, так ты его прости. Он больше не будет».

Свердлов амнистировал Шкловского. Тот отправился в Петроград и решил покончить с политикой. Петроград 1918 года – Афины военного коммунизма. Шкловский продолжал реформировать филологию и пытался создать новую литературу. Молодые Зощенко и Каверин смотрели на него как на гуру. Студенты-филологи ходили по пятам и внимали каждому слову. Это был счастливейший период в жизни Шкловского.

Шкловскому не было тридцати, но никто не сомневался, что он гений. Проиграв как политик, он выиграл как ученый. Кажется, такое положение его вполне устраивало. Но длилось оно недолго. Политика вновь вмешалась в его жизнь. Все коренным образом изменилось весной 1922 года.

Он пришел к себе домой в Петрограде и со двора увидел, что в его комнате горит свет. Шкловский сообразил: никакому приятелю с дамой он ключей не давал, и, будучи человеком опытным, развернулся и ушел. Потом он узнал, что приходили из ЧК. Тогда, даже не заходя домой, собрав вещи и деньги у знакомых, Шкловский по тонкому льду залива ушел в Финляндию.

В 1922 году в стране готовился первый громкий открытый политический процесс, направленный против правых эсеров. Несмотря на большевистскую амнистию 1919 года, повсеместно шли аресты. Шкловский понимал, ему несдобровать, и из Финляндии перебрался в Германию. Из заполненного эмигрантами Берлина он следил за судом над эсерами. На скамье подсудимых были его недавние братья по оружию.

Шкловский проходил по трем важным эпизодам, которые фигурировали на процессе. Во-первых, подготовка к вооруженному восстанию весной 1918 года в Петрограде. Во-вторых, руководство броневым дивизионом и участие, вольное или невольное, в слиянии эсеров-

ской военной организации и военной организации белогвардейского «Союза Возрождения». В-третьих, руководство подрывной группой, разработка планов диверсионной деятельности на железной дороге.

Окажись Шкловский на скамье подсудимых, его бы ждал лагерь и, в конце концов, расстрел. Но Шкловский был в Берлине. Это столица русской эмиграции, здесь выходили русскоязычные книги и газеты, где работали знакомые литераторы. Тем не менее, Шкловский чувствовал себя неуютно. Он так и не выучил немецкий, а здешние русские в его глазах по всем статьям уступали тем, что остались на Родине. Наконец, он пережил личную трагедию – несчастливую любовь к Эльзе Триоле, сестре Лили Брик, впоследствии известной писательнице и жене Луи Арагона. Он писал книгу о своей несчастной любви и закончил ее письмом во ВЦИК с просьбой разрешить вернуться домой. Такой любовной прозы русская литература еще не знала. Удивительно, но Шкловскому – боевику, участнику подготовки убийства Володарского – разрешили вернуться.

Он вернулся с покаянием и был с благодарностью принят. Это не тот случай, когда слово дал, слово взял. Люди, которые писали подобные письма, выступали с подобными прошениями, вернуться в лагерь политической оппозиции уже не могли. Товарищеская среда их не принимала. Это всегда был билет в одну сторону.

Возвращаясь из Берлина, он надеялся, что ему удастся заниматься чистым искусством, а советская власть не будет его трогать. Как мог, он пытался балансировать на этом лезвии бритвы в течение многих лет.

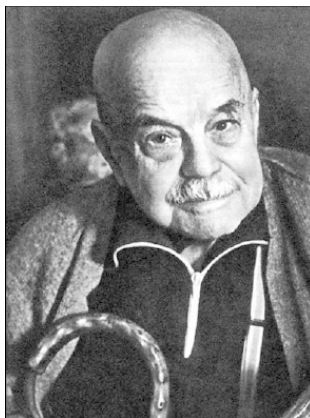
Вернувшись в Россию в 1925 году, Шкловский постоянно жил в Москве – это было одно из неперемennых условий власти. Здесь не было ОПОЯЗа, но был ЛЕФ, близкая по духу группа литераторов, возглавляемая бывшим опоязовцем Осипом Бриком и старым другом Шкловского Владимиром Маяковским. Он старался остаться прежним – Шкловским-формалистом, Шкловским-теоретиком литературы. Но это не кормило. Зарабатывать приходилось в кино – писал сценарии, работал на Третьей кинофабрике. Мечтал о возрождении ОПОЯЗа – тщетно. Дни русского формализма были сочтены. Дни Шкловского-формалиста – тоже.

Молодой Вениамин Каверин назвал свой роман о Викторе Шкловском «Скандалист, или вечера на Васильевском острове». Не просто ученый, а скандалист, человек, способный перетаскать на свою сторону любую аудиторию. В последний раз Шкловский доказал это 6 марта 1927 года, на Моховой улице, на нынешней учебной сцене Театральной академии. Состоялся диспут, который назывался «Марксизм и формальный метод». С одной стороны – Шкловский, Тынянов и Эйхенбаум, а с другой – подготовленные марксисты. Шкловский говорил: «Нас три человека, а на вашей стороне армия и флот». Блестящими аргументами он разбил своих противников. Зал рукоплескал. Через 2 года наступил знаменитый 1929-й, год великого перелома. Через 3 года покончил с собой Маяковский. Диспутов больше не было. Искусство Шкловского, искусство публичного ученого, потеряло всякий смысл.

После диспута Тынянов с Эйхенбаумом были уволены из Ленинградского университета, вскоре прикрыли формалистскую вольницу и в Институте истории искусств. ОПОЯЗ стал историей. А жить надо было продолжать. Труднее всего пришлось Шкловскому – за ним было слишком много грехов. Он максимально ограничивал себя. Оставил науку. Теперь он был только киносценарист и советский писатель. Однажды даже снялся в кино. Играл Петрашевского в фильме «Мертвый дом». В августе 1933 года Шкловский участвовал в поездке писателей на Беломорканал – пропагандистской акции, должной прославить передовую стройку, где в чудовищных условиях работали и умирали тысячи заключенных. Затем Шкловский принял участие в составлении и издании печально известной книги о посещении писателями ударной стройки. Его участие в этой поездке можно интерпретировать как плату за возможность поведаться со старшим братом Владимиром, который был в это время в лагере на Беломорканале.

Шкловский пытался вжиться в новую действительность, не выпасть из времени и сохранить человеческое достоинство, помочь брату, друзьям. Его дом в Москве – чуть ли не единственный, где находил прибежище ждавший ареста Мандельштам.

При этом он безжалостно клеймил собственное формалистское прошлое, вместе с Горьким с трибуны Первого съезда Союза писателей осуждал за несоответствие времени давно умершего Достоевского – покойнику-то что. Человек-парадокс, он вписался в страшное время сталинского террора и остался цел. Он сам писал о себе, что может вноситься в любую обувь и приспособиться к любым условиям. Условия, которые представляла советская действительность, были довольно жесткими, Шкловский вынужден был к ним приспособиться. Он адаптировался.

Виктор Шкловский

Виктор Шкловский ушел из жизни в самом конце 1984 года, не дожив несколько месяцев до начала Перестройки и несколько лет до времени, когда вновь мог бы вспомнить о своей бурной молодости, о которой молчал на протяжении почти всей жизни. Его уход был уходом патриарха: официально признанный классик советской литературы и крупный деятель кино, лауреат Госпремии, автор многих десятков книг и при этом один из отцов современной науки о литературе, определивший все развитие гуманитарных наук в XX веке. С середины 1950-х его жизнь была исключительно благополучна, а прошлое – в тени.

Однажды, будучи уже пожилым человеком, он вызвал такси. Спустился, попросил его отвезти туда-то и туда-то. Таксист не скоро оторвался от своей книги. Виктор Борисович спросил: «Что вы читаете?» Тот ответил: «Вы не поймете – это ранний Шкловский».

Шкловский принадлежал к поколению Владимира Маяковского, поколению, которое появилось на свет в 1890-е годы, поколению, которое очень многое обещало и сделало, но жизнь которого перерезал 1929 год – сталинская революция. Кто-то выбрал эмиграцию, кто-то – внутреннюю эмиграцию, как Пастернак и Ахматова, кто-то погиб, как Мандельштам и Гумилев, кто-то покончил с собой, как Маяковский, но большинство, как Виктор Борисович, выбрало жизнь. Как говорил Шкловский, время всегда право. Лучше быть красным, чем мертвым.

Николай Гумилев против большевиков

В ночь на 25 августа 1921 года по приговору петроградской ЧК был расстрелян русский поэт Николай Степанович Гумилев.

Почти через 70 лет, в мае 1992 года, Н. С. Гумилев, как и все репрессированные по делу Петроградской боевой организации, был реабилитирован решением генпрокуратуры Российской Федерации «за отсутствием состава преступления». Но прокуроры ошиблись – Николай Степанович Гумилев невинно пострадавшим не был.

31 мая 1921 года в Тверской губернии, в своем бывшем имении, по доносу был задержан профессор петербургского университета географ Владимир Николаевич Таганцев 1889 года рождения, сын выдающегося юриста Николая Степановича Таганцева – одного из авторов уголовного кодекса России. К этому времени жену младшего Таганцева Надежду задержали в Петрограде. К концу лета по так называемому «Делу Таганцева» арестовали более 300 человек. Среди них – и поэта Николая Гумилева.

Николай Степанович Гумилев родился 3 апреля 1886 года в Кронштадте в семье судового врача. Едва выучившись читать, он уже сочинял стихи. Первый поэтический сборник Гумилева вышел в 1905 году и назывался «Путь конквистадора». Темой его стихов всегда были экзотические страны, опасные приключения и бесстрашные мужчины, преодолевающие все препятствия.

Гумилев далеко не сразу стал большим поэтом. И на литературном поприще, и в личной жизни у него часто случались неудачи, даже провалы. Сестра его друга Андрея, Анна Горенко пять лет отвечала категорическим отказом на его настойчивые предложения руки и сердца. Первые два затеянные им литературных журнала не протянули дольше трех номеров. От неудач Гумилев спасался путешествиями в Африку.

Из письма Гумилева Михаилу Кузьмину: «Вчера сделал двенадцать часов (70 километров) на муле, сегодня предстоит ехать еще 8 часов, чтобы найти леопардов ... ночью предстоит спать на воздухе, если вообще придется спать, потому что леопарды показываются обыкновенно ночью».

К 1914 году Гумилев становится признанным в столице поэтическим мэтром. Неприступная возлюбленная Анна Горенко, будущая Ахматова, наконец стала его женой. У них родился сын – Лев Гумилев. Николай Степанович – путешественник близкий к академическим кругам и русской внешней разведке, влиятельный литератор, лидер нового поэтического направления – акмеизма, к которому принадлежат будущие общепризнанные гении поэзии: Осип Мандельштам и Анна Ахматова.

Николай Гумилев

Николай Гумилев во время поездки по Африке, 1913 год

Но когда 1 августа 1914 года начинается война, освобожденный от воинской повинности по астigmatизму, Гумилев идет на фронт добровольцем. Большинство молодых поэтов войну проигнорировало: Маяковский, Есенин, Мандельштам отсиживались в тылу. На войну пошли только Блок и Гумилев. И когда провожали на фронт больного и немолодого Александра Блока, Гумилев сказал: «Это все равно, что жарить соловьев». Но он сам пошел добровольцем, не офицером – солдатом. Видимо, это тот соловей, который считал для себя принципиальным быть зажаренным.

Гумилев служил в полковой разведке, ходил за линию фронта добывать вражеских языков. За 15 месяцев службы Гумилев из рядового стал офицером и получил два Георгиевских креста – высшие солдатские награды России.

На фронте он продолжал писать и печататься. В 1916 году вышел сборник «Костер»; в петроградских газетах публиковались его военные репортажи – «Заметки кавалериста».

Из «Костра»:

«Та страна, что могла быть раем,
Стала логовищем огня.
Мы четвертый день наступаем,
Мы не ели четыре дня.

Но не надо яства земного
В этот страшный и светлый час,
Оттого, что Господне слово
Лучше хлеба питает нас.

И залитые кровью недели
Ослепительны и легки.
Надо мною рвутся шрапнели,
Птиц быстрее взлетают клинки.

Я кричу, и мой голос дикий.
Это медь ударяет в медь.
Я, носитель мысли великой,
Не могу, не могу умереть.

Словно молоты громовые,
Или волны гневных морей,
Золотое сердце России
Мерно бьется в груди моей.

И так сладко рядить Победу,
Словно девушку, в жемчуга,
Проходя по дымному следу
Отступающего врага».

Из «Записок кавалериста»: «Во мне лишь одна мысль живая и могучая, как страсть, как бешенство, как экстаз: я его или он меня! Он нерешительно поднимает винтовку, я знаю, что мне стрелять нельзя, врагов много поблизости, и бросаюсь вперед с опущенным штыком».

С юности Гумилева считали некрасивым и инфантильным: косой, череп, словно вытянутый щипцами. Нелепый подросток, так и не ставший мужчиной. Но военная форма и военная жизнь преобразили Николая Степановича. Он из поэта окончательно превратился в жизнотворца.

В мае 1917 года, по заданию Временного правительства, Гумилева командировали в Экспедиционный корпус российской армии в Париже, где в военном представительстве он выполнял сложные военно-дипломатические задания. Гумилев предлагал союзникам набрать экспедиционный корпус из воинственных и свободолюбивых абиссинцев. Там, в Абиссинии (нынешней Эфиопии), у него остались влиятельные знакомые, в частности рас Тафари – победитель итальянцев, будущий пророк новой религии – растафарианства.

Осенью 1917 года Временное правительство пало. Большевицкая Россия фактически разорвала союзнические отношения с Францией и с Англией, вышла из войны. И Гумилев оказался не у дел.

Он решил вернуться в Советскую Россию через Лондон и Мурманск. В Лондоне познакомился со знаменитым английским писателем Гилбертом Честертоном. Встреча эта произвела на англичанина сильнейшее впечатление, и он оставил о ней воспоминания. Гумилев утверждал: война показала, что доверять политикам нельзя. Государствами в XX веке должны руководить мыслители и поэты. Поэт должен каким-то образом свою жизнь и творчество переносить в политику. Политика делается в России, именно там и должен находиться русский поэт. В период политических потрясений поэт должен находиться на родине и духовно окормлять свою паству.

Весной 1918 года из Петрограда вместе с первыми беженцами стали поступать вести о диктатуре большевиков. Но Гумилева не пугали эти известия. В противоход набирающему силу потоку эмиграции Гумилев добрался до Петрограда.

В 1918 году большевикам еще было не до литераторов. Они занимались установлением своей власти повсеместно – национализацией фабрик и заводов, закрытием оппозиционных газет, уничтожением политических противников.

Но первыми в бой с тиранией вступили именно поэты. В 1918 году в здании Главного штаба находился Наркомат внутренних дел Петрокоммуны. Наркомом внутренних дел был Моисей Урицкий. 30 августа в Петрокоммуну на велосипеде приехал молодой человек и спросил, когда будет принимать нарком. Нарком задерживался, молодой человек подождал его, а когда Моисей Урицкий вошел в здание, молодой человек выхватил револьвер и выстрелом с шести шагов уложил Урицкого на землю. Убийцей наркома оказался 22-летний поэт Леонид Каннегисер. Николай Гумилев Каннегисера хорошо знал и поступком его был глубоко впечатлен.

На убийство Урицкого большевики ответили лозунгом: «Они убивают личности, мы уничтожим классы».

В сентябре 1918 года большевики издали указ «О красном терроре». Отныне все буржуазно-помещичьи элементы страны объявлялись заложниками. За смерть любого красного начальника или комиссара расстреливали десятки людей, виноватых только в том, что их родители были помещиками или капиталистами. В Петрограде расстрелы шли у стены Петропав-

ловской крепости на глазах горожан. По официальному указу нового руководства Петроградской ЧК во главе с Глебом Иванович Бокием, в ответ на убийство Урицкого расстреляли 513 человек.

В условиях Красного террора, ввиду всеобщего одичания, перед Гумилевым встал выбор – уйти на Дон или в Финляндию, сражаться с красными с оружием в руках. Но он – поэт и для него важнее было остаться в Петрограде просвещать, не давать умереть от голода, безнадежности и тоски. И, находясь над схваткой, надеяться на провидение. Он излагал своим друзьям некий договор, который существует якобы между ним и большевиками: они не мешают друг другу, ведут себя как взаимоуважающие враги.

Как поэт он видел свою задачу в проведении культурной работы в стране, где этим уже никто не занимался. Он выступал с лекциями перед студентами, начинающими поэтами, рабочими, военморами Кронштадта. При этом Николай Гумилев открыто демонстрировал свои антибольшевистские настроения. Известно, что после злодейской казни императорской семьи он читал в Кронштадте:

«Я склонился, он мне улыбнулся в ответ,
По плечу меня с лаской ударя,
Я бельгийский ему подарил пистолет
И портрет моего государя».

Петроград 1917–1921-х годов – это вымирающий мегаполис. Что-то вроде Ленинграда во время блокады. Военный коммунизм. На мостовой лежат трупы лошадей, их некому убирать. Представьте себе, в 1917-м здесь жило 2,5 миллиона человек, а к 1921-му осталось 500 тысяч. Остальные умерли или разъехались. И больше всего смерть косила литераторов. Потому что закрылись издательства, газеты, журналы, и писатели не получили даже пайка, до тех пор пока не был открыт Дом литераторов. Здесь давали воблу, пшено, жидкий суп. Можно было согреться в вымерзающем городе. Здесь писатели выбирали себе правление, это по существу первый союз писателей, еще никак не связанный с властью. Выбирали тех, кому доверяли, кого уважали. Среди членов правления – Николай Гумилев.

Жизнь была суровой, скудной, но именно в это время люди из самых разных уголков России сообщали об открытии клубов, о создании самодеятельных театров.

Максим Горький основал «Всемирную литературу», издательство с колоссальным планом – перевести на русский язык все важнейшие произведения мировой литературы. Главная цель – дать работу и паек умирающим от голода и тоски интеллигентам.

Гумилев – второй после Горького человек в издательстве. Он отвечал за переводы всех западных книг. Результат: 80 профессиональных литераторов спасены от голодной смерти; начался подъем знаменитой русской переводческой школы, которую Николай Гумилев, в сущности, и создал в голодном Петрограде.

Гумилев мечтал еще до революции учить поэзии, готовить поэтов или как минимум – хороших читателей. Поэтому он вновь начал работать как педагог, как просветитель.

В известном каждому просвещенному петербуржцу доме Мурузи, выстроенном в мавританском стиле, на углу Литейного проспекта и Пантелеймоновской улицы (ныне – Пестеля), была создана одна из лучших в истории России литературных студий. Пустующую квартиру князя Мурузи захватили в 1919 году петроградские литераторы и основали «Звучащую раковину», которой руководил Николай Гумилев. Николай Степанович утверждал, что при помощи разработанного им научного метода он может научить каждого разумного молодого человека писать стихи. И к нему повалила талантливая молодежь. Самое удивительное то, что они, действительно, становились поэтами, иногда большими, и относились к своему учителю как к магу, волшебнику и вождю.

В Петрограде было множество людей, сочувствовавших белым. В 1919 году готовилось антибольшевистское восстание. Оно должно было поддержать наступающие на Петроград войска генерала Юденича. Организация подпольщиков называлась «Национальный центр» и была связана и с белыми, и с разведками стран Антанты. Наступление Юденича захлебнулось, восстание не вспыхнуло, «Национальный центр» был разгромлен. Многие в России надеялись – спастись от большевиков помогут бывшие союзники по Антанте – Англия и Франция. Но вмешиваться в гражданскую войну серьезно эти державы не спешили. Петроград был предоставлен сам себе.

Осенью 1920 года исход Гражданской войны, казалось, очевиден. В ноябре был взят Перекоп, остатки врангелевской армии бежали в Турцию, война окончена, красные победили. Никакой надежды на помощь извне у оставшихся в России не было. И чтобы вырваться из рабства, нужно «бунтовать Россию изнутри». Прежде Россия, как показала Гражданская война, выбирая из «красных» и «белых», скорее была готова принять Троцкого, а не Врангеля.

К концу 1920-го ситуация поменялась. Миллионы людей, кто прежде сочувствовал большевикам – матросы, крестьяне, рабочие – восстали. Победа над помещиками и капиталистами одержана, но не было ни хлеба, ни работы на заводах, ни политических прав. Впервые появилась возможность бороться не против большевиков и народа, а вместе с народом против большевиков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.